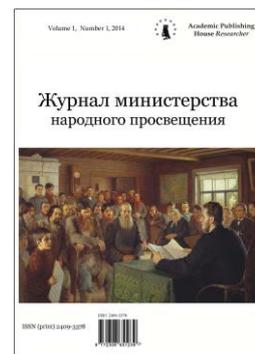

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
Has been issued since 1834.
ISSN: 2409-3378
E-ISSN: 2413-7294
Vol. 9, Is. 3, pp. 103-132, 2016

DOI: 10.13187/zhmnp.2016.9.103
www.ejournal18.com

UDC 94(477.52):[373.5:316.346.2-055.2«1863–1919»]

Short Outline of the History of the First Sumy Girls' Gymnasium

Dmitriy V. Kudinov ^a

^a Sumy Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Ukraine
Dr (History), Assistant Professor
E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Abstract

The current article reveals the causes of the establishment of the first girls' secondary school in Sumy together with the peculiarities of its further advancement. The issues of forming and development of gymnasium facilities, managerial and teaching staff, and students complement along with the organization of educational activity, arranging of didactic and disciplinary requirements represent separate units of the research. In order to demonstrate professional choices of school leavers, brief biographical data of some graduates is supplied.

Keywords: memoirs, Ministry of National Education, gymnasium, trustee, headmistress, teaching staff, students, educational scholarship.

1. Введение

Ретроспективный взгляд на среднее образование, в особенности на его положение в Российской Империи, невозможен вне гендерной составляющей. Различия между образованием мальчиков и девочек оказываются еще более заметными при ограничении изысканий рамками какого-либо региона или населенного пункта. А поскольку женские министерские средние учебные заведения появились лишь во второй половине XIX в., локальность приобретает не только пространственные, но и временные границы, придавая тем самым предмету исследования – феномену женского среднего образования – конкретику в контексте т. н. «толстовской системы».

Изучение отдельно взятого учебного заведения – это не только подчеркивание его образовательной специфики и признание права на собственное освещение его прошлого. В пореформенный период количественный состав женских средних учебных заведений становился несоразмерно большим в пользу уездных по административно-территориальному положению гимназий. Это не только позволило географически расширить классицизм за пределы столичных и губернских городов, но и сформировать местную провинциальную педагогическую культуру, укрепить учительские кадры и в значительной мере повлиять на изменение состава уездной интеллигенции.

Несмотря на отсутствие отдельных публикаций касательно истории СЖГ, ее прошлое все же освещалось в ряде научных и презентационных краеведческих изданий. В частности, наиболее общие сведения об основании, составе учениц и педагогах гимназии содержатся в книгах сумского краеведа А.М. Манько «Сумы и сумчане в документах современников» (книга 1 – 2005, кн. 2 – 2010) [49; 50]. Такие аспекты прошлого гимназии как образование

женского училища-предтечи, финансовая поддержка СЖГ частными лицами, ее кадровый состав освещены в статьях Т.В. Тронько «Женские учебные заведения Сумщины во второй половине XIX века» (2003) и И.В. Стародубцевой «Формирование педагогической интеллигенции в Харьковской губернии» (2005) [71; 74]. Наиболее полно фактический материал, охватывающий разные периоды существования СЖГ, представлен в брошюре исследователя Л.П. Сапухиной «Учебные заведения г. Сумы» (2000). Автор емко охарактеризовала постановку учебно-воспитательной работы, привела статистические данные относительно количества учениц по разным годам, а также раскрыла в ряде цифровых данных вопрос содержания гимназии [60]. Некоторые моменты учебной жизни показаны в научных и публицистических статьях автора данной работы [39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47].

Следует отметить, все указанные издания, отнюдь не охватывая целиком различных аспектов прошлого СЖГ, отличаются известной лапидарностью в изложении материала и фактической фрагментарностью. Собственно, это и послужило мотивом к написанию статьи, целью которой является наиболее полное освещение различных сторон существования Сумской I-й женской гимназии, определение уникальности ее педагогической и ученической среды.

2. Материалы и методы

Комплекс источников публикации представлен профильными материалами в журналах Сумского уездного земского собрания, статистическими и справочными сведениями ежегодных «Харьковских календарей», документами СЖГ (ф. 347), Сумской городской думы (ф. 354), Сумского уездной земской управы (ф. 2) Государственного архива Сумской области (ГАСО), документами фонда Сумского областного краеведческого музея (СОКМ) и частного архива сумского коллекционера В.Ф. Токарева (ПАТ). Некоторые общие вопросы уставной жизни СЖГ сверялись со специализированной литературой по вопросам развития образования в России, а также с документами Министерства народного просвещения (МНП). Отдельные аспекты дисциплинарных требований в стенах Сумской I-й женской гимназии освещены по аналогии с правилами Ахтырской женской гимназии, которые, надо полагать, существенно не отличались от подобных в СЖГ.

Из всего комплекса источников особо следует выделить воспоминания учителя истории гимназии (в 1912–1916 гг.) Павла Васильевича Ляхова (к сожалению, единственные в своем роде). И хотя мемуарной литературе известен определенный субъективизм, некоторая нацеленность автора на собственное бытие, рукопись педагога несравненно ценна для историка, прежде вынужденного удовлетворять исследовательский интерес сухими по содержанию официальными документами, к тому же достаточно обрывочными по репрезентативности. Многие сведения, приводимые П.В. Ляховым, не содержатся в иных источниках (например, внутреннее расположение кабинетов и классов в здании гимназии, «памятные портреты» педагогов). Более того, указанная субъективность – как раз важная сторона мемуаров, позволяющая более-менее полно воссоздать профессиональный, творческий и психологический профиль преподавателя гимназии начала прошлого века. Значимость воспоминаний сумского педагога усиливается благодаря наличию в них «источника в источнике» – автор приводит пространственные цитаты из письма своей ученицы Ольги Коровкиной, в свою очередь делившейся с ним собственными впечатлениями минувшего. Это позволяет совместить восприятие одной и той самой ситуации, о которой рассуждали адресаты, как с позиции учителя, так и со стороны ученицы, несколько объективизировать и восполнить картину действительности важными деталями (собственно, эту цель преследовал и сам мемуарист).

Репрезентативность источников и межпредметные исследовательские задачи определили выбор методов исследования – конкретно-исторического, историко-ситуационного, логико-аналитического, статистического, описательного, ретроспективного. Также, в работе с мемуарами автор обращался к методу фактографии (выявление конкретных знаний, определение воспоминаний, как источника общественных процессов и отношений) и историко-источниковедческому методу (выявление идейных установок автора, в которых отобразились общественно-политические настроения за минувшее от описываемых событий время).

3. Обсуждение

Известно, что начало женскому просвещению в Сумах положили частные школы и пансионы для девочек, возникшие в первой половине XIX века. Однако уже в первое десятилетие пореформенного периода они не могли удовлетворить растущие потребности в образовании, к тому же высокая плата за обучение делали его недоступным для большинства горожанок. В 1863 г. по почину городской власти в Сумах появилась женское училище 2-го разряда. Оно размещалось в наемном каменном доме с годовой платой в 325 руб. и содержалось за счет взимания платы за обучение (500 руб.), пособия городской управы (400 руб.), жертвования почетного блюстителя крупного сахарозаводчика И.Г. Харитоненко (400 руб.). При этом право обучаться в училище было предоставлено исключительно сумянкам. Правда, его устроители побеспокоились о возможности получить образование разным слоям населения, подходя дифференциально к его оплате: «за учение с дочерей дворян и купцов положено брать по 15 рублей в год, а с других сословий по 10 рублей». Более того, устав требовал начальнице училища (ею стала бывший руководитель частной школы в Ахтырке М. Ефтимович) быть наиболее приветливыми с теми родителями, «которые по своему положению в обществе еще считают образование для своих детей или трудно достигаемую высоту, или выдающуюся странностью». Училище развивалось довольно динамично: в 1865 г. в нем обучалось 43 ученицы, а уже в следующем году с завершением полной комплектации в три класса – 75 [48, с. 72-73; 62, с. 25; 74, с. 98; 52, с. 225-227].

Рис. 1. Сумская женская гимназия

Однако, для города с населением более чем в 13 тыс. жителей численность учащихся школы оказалось ничтожно малой по сравнению с задачами массового просвещения. Так, в 1866 г. Всего в Сумах насчитывалось 504 учащихся обоего пола (1 на 31 жителя города или 3,12 % от всего населения), а в уезде – 1493 чел. или 1,38 % от всего населения. Даже на фоне

этих незначительных цифр представительство учениц училища оказывается весьма скромным (14,9 % от всего числа учащихся горожан или 5 % учащихся уезда), а по числу выпускниц – тем более (в 1867 г. из его закончили всего 7 учениц). Неудовлетворительное состояние женского образования отражалось на низком уровне грамотности населения уезда, не говоря уже об образовательном цензе – в 1866 г. только 3,45% жительниц региона умели читать и писать. Учитывая выросшее число грамотных девиц за 1860-е годы, этот процент для возрастной группы до 18 лет тоже не выглядел утешительным – 4,65 % [52, с. 224-226, 234-235].

Данное положение не шло ни в какое сравнение с быстро растущими в годы реформ потребностями женского образования в регионе и требовало немедленного вмешательства со стороны общественности. Идея преобразования училища в прогимназию вызрела довольно быстро и обнаружила поддержку со стороны уездного земства. Именно благодаря его ходатайству «и с согласия г. попечителя Харьковского учебного округа» в 1870 г. в Сумах на основе училища была открыта женская прогимназия, преобразованная, наконец, через три года по инициативе городского головы И.Г. Харитоненко в полное среднее учебное заведение (в 1873-1907 гг. – Сумская женская гимназия; в 1907-1919 гг. – Сумская I-я женская гимназия). Земская инициатива было подкреплена финансовыми обязательствами. В прошении Харьковскому губернскому земскому собранию в 1869 г. сумяне обязались направить на строительство здания гимназии 20 тыс. руб. уездных сумм и оповестили о сборе еще 15 тыс. руб. частных пожертвований [48, с. 253; 60, с. 9; 64, стлб. 1076-1077; 75, с. 199].

Рис. 2. Гимназистки. Фото 1909 г.

Нынешнее здание гимназии было построено согласно решению уездного земского собрания от 15 января 1876 г. на улице Большой Московской (ныне Соборной) «на земском месте» (уступлено земству по решению городской думой для строительства гимназии 5 февраля 1875 г. с условием: «до тех пор пока на этой усадьбе будет существовать гимназия; в случае же если гимназия будет закрыта, усадьба эта должна перейти обратно городу») «против городского сада» по проекту харьковского архитектора К.А. Толкунова в 1876-1877 гг. (освящение и закладка здания – 12 мая 1876 г., введение его в эксплуатацию – 27 сентября 1877 г.). Подрядчиком выступил купец 2-й гильдии И.Г. Козаченко; контроль за строительством осуществляли гласные уездного земского собрания И.Д. Кондратьев, Н.К. Алчевский и техник управы И.Я. Бондарев. В работах по возведению и отделке здания были задействованы 150 рабочих. Первичная сумма проекта в 35 тыс. руб. постепенно возросла до 50 тыс. руб. «с лишком», причем 15 тыс. руб. из этих средств пожертвовал И.Г. Харитоненко; более 5 тыс. руб. выделили другие состоятельные жители уезда, а 30 тыс. руб. – уездное земство [15, с. 25; 16, с. 394-397, 425-428, 432; 25, с. 77; 75, с. 162; 76, с. 221; 78, с. 342].

Недочеты в конструкции здания (изначально устройство гимназии планировалось в другом месте, с его переменной правки в чертежи вносились без ведома зодчего), использование некачественных материалов, наконец, деловая непорядочность застройщика отразились на физическом состоянии сооружения и приводили к необходимости в дальнейшем выделять дополнительные средства на внеплановый ремонт и перестройки. Уже в апреле 1879 г. земское собрание постановило ассигновать на «исправления» в здании гимназии 400 руб. (переделка печи, карнизов внутри комнат, устройство зонтов и ремонт крыши) [15, с. 300; 16, с. 462, 478]. В следующем году заново ремонтировались цинковые коробки, баки и трубы в ватерклозетах. Но на самом деле, отмечала управа, материалы сантехники изначально были настолько ненадежны, что туалеты требовали фактически ежемесячного ремонта. Вследствие этого, в 1884 г. управа подняла вопрос о замене цинковых частей свинцовыми, на что требовалось выделить более 400 руб., а всего на ремонт гимназии в следующем 1885 г. – 1246,70 руб. [17, с. 25, 165].

С началом учебы в стенах нововыстроенной гимназии обозначилось и неудобство внутренней планировки – учебному процессу мешали колонны и переборки, установленные прямо посреди классов (к переделке рабочего пространства приступили лишь в 1909 г., когда обозначенные конструкции были заменены металлическими балками) [32, с. 175].

Наконец, уже в 1890-е годы здание гимназии оказалось в предаварийном состоянии. Архитектор губернского земства М.И. Ловцов, осмотрев его, отметил недостатки, которые можно смело адресовать к совести застройщика: 1) узкое поперечное сечение балок, из-за чего прогибались половицы на втором этаже; 2) покрытие трещинами оконных и дверных перемычек; 3) разрушение внешних стен от влаги и мороза из-за кладки «кирпичом-недожигом» (в 1896 г. управа в своем докладе отмечала, что «кирпич выветривается, падает и может причинить несчастье, не говоря уже о вреде, приносимом этим прочности здания», а в 1901 г., что «кирпич на лицевой стороне так стар, что здание необходимо обложить новым»); 4) отклонение боковых наружных стен вследствие неравномерной осадки здания; 5) физический износ ватерклозетов. Помимо этого, земская управа отмечала существенный недостаток вентиляции, из-за чего в здании во время занятий ощущался спертый воздух [21, с. 337; 24, с. 19, 169-170; 25, с. 3].

Указанные физические недостатки здания вкупе с ростом числа учащихся с необходимостью ставили вопрос о расширении учебного заведения, которое из-за тесноты вынуждено было отказывать в поступлении многим желающим, в т.ч. успешно выдержавшим вступительные экзамены (в 1899 г. администрация СЖГ отклонило прошения 40 кандидатов; такое положение сохранялось вплоть до 1903 г.). Но даже при таких ограничительных мерах гимназия оказывалась настолько переполненной «и неудобной, что от этого страдало здоровье учащихся». В результате, СЖГ оказывалась лишенной приемной администрации, учительской, раздевалки, музыкальной комнаты; вместе с тем приемная доктора, рисовальная, музыкальная комнаты и библиотека расположились в одном помещении. Минералогический кабинет служил одновременно учительской, канцелярией и даже залом для заседания попечительного совета. Наконец, под курительное помещение был приспособлен кабинет физики.

В 1900 г земство, город и частные лица достигли соглашения о ремонте и достройке гимназии. Новое крыло здания, возведенное в следующем году, повторяло архитектурную композицию «старого» корпуса. В последнем, по предложению Ловцова, были заменены пришедшие в негодность материалы; все здание снаружи покрыто цементной шубой, а северная боковая стена укреплена металлическими связями. Изначально дума и земство планировали выделить на ремонт гимназии 15163 руб., на переделку вентиляции – 2 тыс. руб., а на пристройку – 28412 руб. При реализации проекта суммы менялись. В частности, пристройка земству обошлась всего в 6978 руб. [4, л. 492-493; 23, с. 16-20, 37-39, 215-216, 307-311; 56, с. 3-4].

Урок	Содержание урока или предмет классных занятий	Что задано к следующему уроку	Кто не был в классе или опоздал и почему
Первый	Меморис С. Сидор	Послание Дионисия Замаскированный Римский император Энциклопедия чертёж Кто изобрёл бумагу - Китай и араб. Карл Великий импер.	
Второй	Меморис		1. Писать

I четверть 9/5/16
Ленинские 31 урок

Рис. 3. Запись в журнале урока истории. 1915 г.

Несмотря на произведенный капитальный ремонт, гимназия продолжала нуждаться в регулярном подновлении – уже в 1904 г. земство выделило на эти нужды 2615 руб. [26, с. 212-213]. Финансировались и отдельные доработки, как, например, устройство в 1909 г. второго хода с выходом в гимназический сад, а также перепланировка внутри классов, о чем указывалось выше [31, с. 37; 32, с. 175]. В 1903 г. на территории гимназии был вырыт абиссинский колодец (стоимость работ – 500 руб.), что сократило расход по потреблению воды на 300 руб. А в 1911 г. СЖГ была подключена к городскому водопроводу, на что земство израсходовало 280,05 руб. [4, л. 412; 33, с. 15; 61, с. 37].

В 1911 г. попечительный совет гимназии вновь поднял вопрос о пристройке к гимназии, теперь уже с северной стороны. В ней должны были разместиться кабинет физики, гимнастический, «рукодельный», педагогический, приготовительный классы, столовая и кухня. Однако земское собрание ввиду значительных расходов (35 тыс. руб.) предпочло «оставить разрешение этого вопроса до более благоприятного времени» [34, с. 77, 489]. Последнее, однако, так и не наступило, из-за чего здание в плане до сих пор остается архитектурно незавершенным.

О том как выглядела гимназия после всех строительных преобразований, как было распределено ее внутренне пространство можем составить представление благодаря детальному описанию П.В. Ляхова: «Двухэтажное здание выходило фасадом на тихую улицу

позади красивого сквера, а по другую сторону здания раскинулся большой тенистый гимназический сад с широкими аллеями и просторной гимназической площадкой. Все ученицы гимназии должны были в обязательном порядке во время большой перемены, длившейся полчаса, выходить в этот сад, а в каждом классе на это время открывалось большое окно для проветривания помещения. В полуподвальном помещении здания находились квартиры обслуживающего персонала и кухня для приготовления горячих завтраков. На первом этаже по коридору, налево от парадного входа, находился большой кабинет начальницы гимназии, примыкавший непосредственно к ее квартире из двух больших светлых комнат. Напротив кабинета был расположен... старший приготовительный класс. Вправо от входа располагались I, II, III и IV классы, так что нижний этаж как бы предоставлен был для четырехклассной прогимназии... На первом этаже занимался также младший приготовительный класс. Парадным входом пользовались учителя, родители учащихся и все посторонние посетители, а для учащихся был отдельный вход в конце правого крыла здания... На обоих этажах были расположены две раздевалки, где учащиеся снимали свою верхнюю одежду и галоши. Здесь же был и санузел. Прямо против парадной входной двери [была] расположена широкая лестница, ведущая на второй этаж. Наверху – такой же сквозной коридор вдоль всего здания, как и внизу. Налево по коридору расположены были V, VI, VII и VIII классы, направо помещался довольно приличный по тому времени физический кабинет, рядом с ним – музыкальная комната, в которой стоял рояль... За музыкальной комнатой находилось приемная школьного врача... Посредине коридора большая дверь, выходящая на лестничную площадку, вела в большой и светлый актовый зал, он же и спортивный зал... Слева к актовому залу примыкало помещение VII класса с раскрывающимися в актовый зал дверями во время гимназических вечеров и балов. Эта комната отводилась под буфет... Справа к актовому залу примыкала небольшая классная комната, соединенная с ним открывающейся дверью, что было очень удобно для всякого рода подготовок к выступлениям во время литературных вечеров и школьных спектаклей, концертов. За этой небольшой комнатой находилась учительская, где на переменах собирались учителя... К учительской примыкало небольшое помещение, где хранились наглядные пособия» [2, л. 7-15]. В целом, заключал мемуарист, гимназия производила впечатление хорошо оборудованного заведения, с продуманным местоположением структурных элементов.

Многочисленные перестройки и ремонты свидетельствуют о значительных финансовых средствах, отпускаемых на содержание гимназии. Бюджет СЖГ комплектовался из собственных средств заведения, а также из субсидий уездного земства и городского общества «с ежегодным пособием от казны, размер которого каждый раз определяется г. попечителем Харьковского учебного округа» [15, с. 24-25]. Изначально министерские деньги покрывали значительную часть расходов учебного заведения. В частности, в 1876-1877 у. г. МНП израсходовало на нужды гимназии 2000 руб. (максимально возможное единовременное пособие по «Положению о женских гимназиях и прогимназиях МНП» (далее – «Положение») в 1870-х годах; в указанный учебный год эта сумма составляла 16,7% сметы СЖГ, более чем на 4% превышая среднероссийский показатель, или 9,5% от суммы кредита, выделенного министерством на нужды Харьковского учебного округа). В то же время от сумского земства на ее счет поступило 3200 руб., а от городской управы – 1083 руб. [15, с. 116-119; 48, с. 252; 62, с. 40, 112] В дальнейшем, одновременно с сокращением министерской помощи наблюдался рост коммерческой доходной части гимназии. Уже в 1877–1878 у. г. МНП выделило на 200 руб. меньше, а гимназия, наоборот, увеличила приход на 303,5 руб. В 1878-1879 у. г. размер министерской помощи сократился до 1500 руб., что перекрывало 12% потребностей СЖГ при средней в указанное время государственной субсидии министерским гимназиям в 18,9% [16, с. 130; 48, с. 290]. Начиная с этого учебного года, согласно высочайше утвержденному мнению Государственного Совета 22 октября 1878 г. об обязательности для земств и городов отпускать ежегодно раз назначенное пособие, устанавливалась твердая сумма отчислений земства и городского общества на нужды гимназии, исчисляемая в 4000 и 1000 руб. соответственно (без учета дополнительно выделяемых средств на ремонт, строительство и озеленение), которая не менялась вплоть до 1917 г. Следует отметить, что распоряжение центрального органа власти зафиксировало уже существующий размер помощи. Если в первый год существования СЖГ уездная земская

управа ассигновала на ее содержание 1500 руб., то в 1874-1875 гг. – 3000 руб. ежегодного пособия, а с 1876 г. произвольно увеличила эту сумму еще на тысячу рублей [4, л. 125-126; 5, л. 26; 12, л. 6; 16, с. 130; 48, с. 261; 61, с. 24; 75, с. 199; 77, с. 176]. В 1880–1890-х годах стабилизировалась и ежегодная субсидия МНП, не превышавшая 600 руб. при установленном в 1893 г. максимуме в 2000 руб. [21, с. 342-344; 63, с. 393]. Время от времени министерство даже «пропускало» свое участие в финансировании учебного заведения, как в 1898-1899 у. г., но уже в 1900-х годах оно вновь включилось в его содержание, что было связано с удовлетворением ходатайства образовательного ведомства Государственным Советом 27 марта 1900 г., а также «мнением» Совета о увеличении пособий женским гимназиям и прогимназиям на 125 тыс. руб. из средств государственного казначейства. Уже в 1905-1906 гг. МНП выделило на развитие СЖГ 2111,71 руб., что составляло не менее 10% расходных сумм по Харьковскому учебному округу или 52,8% от предельно возможного размера пособия [14, с. 20, 122; 30, с. 186; 59, с. 720; 63, с. 42].

Постепенно инфляция и естественный рост расходов гимназии сокращали бюджетную часть министерских, земских и городских вспомоществований. Если в 1876-1877 у. г. гимназия из собственных средств, пополняемых преимущественно за счет платы за обучение, покрывала немногим более 38% материальных нужд гимназии при 45,2% в среднем по России, то в 1895-1896 у. г. – почти 60%, а в 1906 г. – 71,7%. Доля субсидий на этом фоне выглядела следующим образом – 52,4%, 28,3% и 28,1% соответственно. Оставшаяся часть расходов покрывалась за счет остатка с минувшего учебного года, процентов с капиталов и адресной помощи частных лиц и организаций.

Среди всех частных жертвователей наибольшую материальную помощь гимназии оказывала семья сумских предпринимателей Харитоненко. Ее глава и основатель «Торгового дома И.Г. Харитоненко с сыном» заложил основной фонд гимназии – 5 тыс. руб. вкладом «на вечное время» в Сумском городском общественном банке. В 1876-1877 у. г. он выделил на нужды учебного заведения единовременной помощи еще в 1000 руб. (1/12 расходной части). В последнее десятилетие XIX века «Торговый дом» оказывал ежегодную дополнительную помощь гимназии в размере 1400-1500 руб. [21, с. 338-339; 22, с. 189-191; 23, с. 199-200; 48, с. 290; 78, с. 342]. Из средств фирмы частично содержался VIII класс, оплачивался труд учительницы танцев и одной классной дамы, а также обеспечивалось «правоучение беднейших учениц». Помимо этого, Харитоненко брали на себя и некоторые другие расходы. Например, в 1901 г. почетная попечительница гимназии В.А. Харитоненко выделила 375 руб. на приобретение наградных книг и медалей. Ее супруг П.И. Харитоненко выплачивал пенсию бывшей начальнице гимназии О.Н. Штрик в размере 600 руб. в дополнение к казенному пособию в 500 руб. [4, л. 413-414; 32, с. 55, 207].

Следует особо отметить, что помощь, оказываемая гимназии со стороны Веры Андреевны Харитоненко осуществлялась отдельно от смет «Торгового дома И.Г. Харитоненко с сыном», управляемого мужской половиной семьи заводчиков. Указание на это обнаруживаем в четком разграничении средств жертвовательницы и ее свекра или мужа в отчетах по содержанию СЖГ. В частности, председатель Сумской уездной земской управы В.В. Де-Коннор в 1884 г. отмечал «полезную деятельность и живое участие к интересам заведения» именно В.А. Харитоненко, ежегодно издерживающей на потребности гимназии до 3 тыс. руб. [17, с. 27]. По подсчетам попечительного совета, В.А. Харитоненко за 28 лет пребывания в должности попечительницы (1879-1907 гг.) потратила на нужды СЖГ более 130 тыс. руб., в т. ч. за учение воспитанниц обязательным и необязательным предметам – 75 тыс. руб. Только в 1906-1907 у. г. она пожертвовала гимназии 3610 руб. – взнос за бедных учениц на право обучения. Кроме того, дарительница также выделила в тот год гимназии 1946 руб. на содержание VIII класса, а на оплату труда тапера, классной дамы, на покупку и перелет наградных книг, приобретение похвальных листов и медалей еще 374,5 руб. [30, с. 183-187; 205-207]. Наконец, в следующем учебном году В.А. Харитоненко сделала еще более щедрый взнос: отрядила на нужды гимназии 2067,62 руб., а в качестве платы за неимущих учениц – 2668 руб. [31, с. 160].

Разумеется, благотворительная деятельность Харитоненко была должным образом отмечена руководством гимназии – в 1911 г. Администрация СЖГ заказала портреты П.И. и В.А. Харитоненко, израсходовав на эту цель 600 руб. [12, л. 17].

Отмечая финансовое участие Харитоненко в жизни гимназии, было бы неверным запамятовать имена других ее жертвователей. Известно, что член попечительного совета В.И. Ткаченко в 1876-1877 у. г. выделил на нужды гимназии 200 руб., председатель ее педсовета Н.В. Сибилев в 1897–1898 у. г. на содержание VIII класса – 500 руб., М.М. Лещинская в 1902 г. пожертвовала для выдачи пособия недостаточным ученицам 300 руб., а в 1906 г. – 200 руб. на поездку воспитанниц в Киев и покупку двух образов. В том же году от кружка любителей драматического искусства в пользу бедных учениц гимназии поступило 78,75 руб. [15, с. 116; 22, с. 189; 26, с. 212; 30, с. 186]. И это только отдельно приводимые факты.

Особую статью прихода в бюджете гимназии составляли капиталы, положенные на счета в виде бессрочных вкладов на развитие учреждения или выплату стипендий нуждающимся ученицам. В 1890-1900-х годах проценты с основного фонда приносили ежегодный дивиденд в размере 275 руб. По состоянию на 1911 г. гимназия пользовалась также капиталами Федоровских и Мельниковой (6000 руб.), Семена и Пелагеи Федоровских (2100 руб.), генерал-майора И.М. Карпова (3675 руб.), А. Степурского (2300 руб.), Ткаченко (1500 руб.), Цветкова (300 руб.), В.И. Краснянского (2600 руб.), капиталом стипендии им. И.Г. Харитоненко (2000 руб.) и капиталом на содержание VIII класса СЖГ (500 руб.) [5, л. 23–24; 12, л. 18–20, 25–33].

Наиболее значимой статьей дохода гимназии являлась плата за «правоучение», размер которой постепенно менялся в сторону увеличения. В 1889-1890 у. г. с учениц I-VII класса взималось 25 руб. за год обучения по обязательным предметам и 25 руб. за обучение необязательным. Общая сумма в 50 руб. сохранялась и далее после изменения коэффициента оплаты – 40 руб. за обязательные и 10 руб. за дополнительные курсы [19, с. 191]. Размер этих взносов не менялся до тех пор, пока почетной попечительницей оставалась В.А. Харитоненко, покрывавшая дефицит бюджета СЖГ. С ее уходом в 1908 г. попечительный совет оказался вынужденным повысить плату за обучение, что было встречено едким замечанием местной либеральной газеты «Сумской листок»: в то время как министр народного просвещения заявляет о необходимости стремиться к общедоступному образованию, «наши «отцы» – попечительный совет I-й женской гимназии – в этот момент прибавляет, как-то видно из объявления, разосланного за подписью В.И. Краснянского (гласный городской думы, бывший городской голова – Д.К.), плату за право обучения в гимназии до 75, даже 100 руб. в общем! Ну как не вспомнить по этому поводу слов покойного министра народного просвещения Шишкова: «Науки полезны только тогда, когда как соль употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое знание в них имеет. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу онаго количество людей, принесло бы более вреда, нежели пользы» [30, 205-207; 51]. Впрочем, стоимость обучения возросла не в два раза, как предполагалось, а на 50%: в 1910-1911 у. г. родители учениц вносили в кассу гимназии 60 руб. за обязательные и 15 руб. за необязательные предметы. При этом общая сумма соответствовала издержкам на обучение одной ученицы: в течение 1906-1909 гг. эта статья бюджета СЖГ возросла с 60,31 руб. до 70 руб. [31, с. 161; 32, с. 104].

В целом, динамика затрат гимназии коррелировала с ростом штата учащихся и педагогов, а также с увеличением платы за «правоучение»: в 1876-1877 у. г. расходная часть бюджета гимназии составила 11980,82 руб., в 1891-1892 у. г. – 17166,90 руб., в 1895-1896 у. г. – 19765,92 руб., а в 1910-1911 у. г. – 29574,5 руб. [15, с. 119; 20, с. 313; 21, с. 338; 34, с. 253-254]. Любопытно, что на заседаниях земского собрания – органа, контролирующего финансовую часть гимназии, – причины увеличения расходов (помимо вопросов о выделении средств на ремонт и строительные работы), преимущественно, не дебатировались и, разумеется, не встречали осуждения. Единственно, в докладе уездной управы, помещенного в журналах земского собрания за 1900 г., указано, что «смета на содержание женской гимназии в наступающем учебном году исчислена в сумме 21592 руб., т. е. на 1126 более, чем в предыдущем году. Увеличение сметы вызвано тем, что в курсе VIII специального класса введено на два года преподавание истории и географии с целью дать возможность продолжать в Сумской же гимназии свое образование ученицам, окончившим семь классов и избирающим специальное изучение этих предметов» [24, с. 154].

Не взирая на постепенное увеличение доходной части гимназии, уездное земство расценивало бюджет СЖГ как «довольно скромный». Попечительный совет в 1890 г. жаловался на дефицит средств и на невозможность два года подряд вернуть заем И.Г. Харитоненко всего в 1 тыс. руб. [4, л. 412; 19, с. 211]. Эта же причина не позволяла вводить к окладу учителей дополнительные надбавки, остающимися долгие годы неизменными, или премиальные. Например, зарплата начальницы гимназии с 1876 г. не менялась в течение тридцати лет (составляла 750 руб. с надбавкой к окладу, установленной попечительным советом, в 500 руб.). Подобная статика наблюдалась и со ставками преподавателей. Например, в 1878-1879 у. г. зарплата учителя французского языка при недельной нагрузке в 26 часов составляла 1040 руб. В 1896-1897 у. г. и в 1902-1903 у. г. обнаруживаем такую же сумму начисления. В целом, министерская нормировка определяла штатный годовой оклад преподавателя гимназии за 12 «нормальных» уроков в первые пять лет службы в 750 руб. и в 900 руб. работающим более этого срока. В 1907 г. к существующим окладам была назначена следующая прибавка за стаж: 90 руб. педагогам, состоящим на учебной службе до 10 лет, 180 руб. для работающих 10-15 лет, и 360 руб., кто трудился на педагогическом поприще свыше 15 лет.

Размер оплаты труда предметников зависел от числа часов и образовательного ценза. Так, выпускники университетов и высших женских курсов, имевших звание учителей средних учебных заведений, тарифицировались в начале XX в. по высшему разряду – 60 руб. за «годовой урок» при условии поурочного вознаграждения. Учителя, имевшие домашнее образование, а также окончившие курс восьмого педагогического класса или института благородных девиц, – 50 руб. Позднее установились следующие начисления – после пяти лет педагогической деятельности за 12 уроков (за остальные часы оплата производилась по прежнему тарифу) – 75 руб. для преподавателей со званием учителей средних учебных заведений и 60 руб. – для домашних наставниц и учительниц (работавшие по найму получали меньше штатных учителей – соответственно 60 и 50 руб.).

Прибавки к жалованию были ощутимее у штатных педагогов, работавших на окладе: за каждые пять лет педстажа штатный учитель без высшего образования получал надбавку в 200 руб., а с высшим – 400 руб. при условии сохранения ставки. Например, учительница Е.А. Краузе, имея недельную нагрузку всего 8 часов, могла претендовать лишь на прибавку в 533 руб., хотя работала в СЖГ с 1892 г., т.е. более 4 пятилетий. Труд классных надзирательниц оценивался ниже – они обладали правом на прибавку лишь в 90 руб. за пятилетие службы. Повышение оплаты труда воспитательниц зависело от увеличения взноса за «правоучение». Во многом благодаря этому в 1910-е годы также были повышены ставки начальницы гимназии (с 750 до 1000 руб.) и делопроизводителя (с 240 до 340 руб.). При этом остались неизменными оклады библиотекаря и врача.

Дополнительно оплачивались часы педагогов, преподающих «приготовишкам». Например, в 1913 г. законоучителю СЖГ в приготовительном классе было выплачено жалование 80 руб., учителю – 480 руб., преподавателю-руководителю – 180 руб., учителю пения – 50 руб. Фиксированной была и зарплата классных надзирательниц: в 1880-1890-х годах она составляла 300-400 руб., накануне и в годы Первой мировой войны – 450-500 руб.

Основная заработная плата штата СЖГ в 1913 г. состояла из следующих начислений: председатель педагогического совета – 600 руб., начальница гимназии – 1000 руб., преподавателям Закона Божьего православного исповедания – 1030 руб., инославных исповеданий – 160 руб., русского языка и методики – 1760 руб., педагогики – 270 руб., математики и методики математики – 1800 руб., истории и географии – 2060, физики и естественной истории – 600 руб., немецкого языка – 1040 руб., французского языка – 1490 руб., приготовительного класса – 500 руб., рукоделия – 560 руб., пения – 350 руб., чистописания – 240 руб., рисования – 560 руб., танцев и гимнастики – 640 руб., надзирательницам – 3320 руб., библиотекарю – 120 руб., врачу с уроками по гигиене – 850 руб., секретарю педсовета и писцу – 500 руб., делопроизводителю – 340 руб., заведующим по учебным пособиям – 120 руб., таперу при танцах и гимнастике – 200 руб., жалование прислуге, сторожу и истопнику – 1578 руб. Всего – 21688 руб. Тенденция обесценивания реальной зарплаты педагогов в связи с инфляцией компенсировалась со стороны МНП по закону 10 июня 1900 г., согласно которому повышались оклады пенсий и единовременные пособия.

Рис. 4. Приглашение на годовой публичный акт. 1912 г.

Несмотря на замораживание роста жалования части работников гимназии, эта часть бюджета по-прежнему занимала большую часть ее расходов, хотя и постепенно уменьшалась в коэффициенте с другими затратными суммами. Так, в 1877-1878 у. г. в фонд заработной платы учителям отчислялось 86,75% бюджета, 1895-1896 у. г. – 81,83%, а в 1906 г. – 65,8%. Вместе с тем увеличивалась доля оплаты труда технического персонала (за 1877-1913 гг. с

407 до 1578 руб.), траты на отопление, освещение и другие хозяйственные расходы (за 1877-1906 гг. с 836,66 до 1889,91 руб.). В начале 1900-х годов только на поддержание здания гимназии в чистоте и порядке ежегодно отчислялось до 1000 руб. Время от времени гимназическое руководство распоряжалось и расходами на устройство мероприятий, как, например, в 1896 г. на празднование «священного коронования их императорских величеств» (485,50 руб.) [4, л. 412; 9, л. 2-9; 12, л. 22-23; 16, с. 139; 21, с. 342-345; 59, с. 720; 62, с. 238; 63, с. 87, 129; 71, с. 232].

В годы Первой мировой войны финансовое положение гимназии значительно пошатнулось. Ее общий бюджет в 1916 г. вырос до 99977,74 руб. При этом суммы, выделенные губернским и уездным земствами, а также городским обществом остались неизменными с довоенного времени. Расход на содержание гимназии увеличило лишь МНП (более 7 тыс. руб.). Вместе с тем практически прекратился приток добровольных пожертвований. Например, за весь 1916 г. на счет гимназии пришло только одно подобное поступление от офицера-воспитателя Сумского кадетского корпуса подполковника В. З. Бояровского (отчисления от организации футбольного матча). Поэтому чтобы покрыть недостаток финансов администрация СЖГ вынуждена была прибегать к нетипичным для себя способам. Например, устраивать лотереи-аллегри в пользу сирот-детей погибших воинов и т. п. Наиболее рациональной мерой достичь платежеспособности учреждения оказалось удорожание стоимости образовательных услуг – на 25 руб., что дало прирост от сборов за «правоучение» более чем на 60%. Но вместе с тем выросла и задолженность по оплате (за первое полугодие 1917-1918 у. г. ученицы «задолжали» гимназии 6280 руб., «чего никогда не наблюдалось в прежние годы»). Как следствие – острейший дефицит средств (более 13500 руб.); под угрозой оказалось обеспечение нормального учебного процесса. В этой ситуации Сумская культурно-просветительная комиссия вынуждена была просить земство ассигновать на содержание гимназии в 1918 г. 21000 руб. вместо стандартных 4000 руб. (руководство же учебного заведения испрашивало субсидию в 18 тыс. руб., мотивируя просьбу «крайне стеснительным материальным положением, какое переживает I женская гимназия в настоящее время») [5, л. 4, 17-28, 35, 39].

Особой статьей финансовой отчетности гимназии перед местными органами власти являлись сведения о выплате стипендий, учрежденных из капиталов жертвователей (помимо разовых выдач пособий нуждающимся ученицам). Преимущественно они выдавались ученицам, родители или опекуны которых не имели достаточных средств на содержание воспитанниц. Однако в числе стипендиаток можно найти и имена учениц, чье материальное положение было вполне благополучным. Например, стипендиатками с капитала Карпова могли быть исключительно родственницы благотворителя, а в 1916 г. стипендию из средств Степурского получала дочь почетного гражданина Екатерина Чикина.

Число стипендиаток могло варьироваться, но не превышать установленное количество претенденток на один фонд. Так, в 1911 г. вспомоществование из капитала Федоровских и Мельниковой получали пять девочек: Надежда Ястремская, (VIII кл.) – 37,2 руб., Евгения Басова (VIII кл.) – 37,2 руб., Александра Ушкалова (IV кл.) – 94,2 руб., Людмила Карпова (II кл.) – 57 руб., Ксения Поллак (II кл.) – 57 руб. Т. е. всего на финансовое поощрение ученицам из указанного фонда было израсходовано 282,6 руб. В том же году из капитала И.Г. Харитоненко выплачивалась стипендия только одной ученице в размере 92,95 руб. [5, л. 23-24; 12, л. 18-20, 25-33]. Как видно из приведенных данных, размер стипендий даже в пределах одного капитала мог быть различным. В 1916 г. эта неравномерность по всем группам стипендий варьировалась от 11 до 210 руб. годовых выплат.

От частных жертвователей не отставали и органы местной власти. Так, Сумская уездная земская управа в 1902 г. для детей своих служащих утвердила в СЖГ две стипендии в размере 200 руб. каждая. При этом в выборе претенденток земство руководствовалось желанием помочь наиболее нуждающимся девочкам. В частности, одной из первых стипендиаток стала ученица VIII класса Александра Пушкарева, «дочь одного из беднейших жителей плательщиков земских налогов Сумского уезда». По тем же соображениям в 1904 г. стипендиаткой была выбрана ученица V класса Антонина Аршинова, дочь земского фельдшера Хотенской волости, крестьянина по происхождению и человека «без сомнения, бедного состояния». Изначально в гимназии назначались две стипендии земской управы, но

с открытием в 1903 г. женской прогимназии в СЖГ была оставлена только одна [26, с. 37, 205-206].

В 1911 г. «в ознаменование тридцатилетней бескорыстной и благородной служебной деятельности гласного Сумского уездного земства Владимира Ивановича Краснянского» земством была учреждена еще одна стипендия в размере 200 руб., «с тем, чтобы эта сумма ежегодно вносилась в смету и кандидатка на эту стипендию выбиралась лично Краснянским», а в случае его смерти – уездной земской управой [34, с. 78]. Согласно § 5 «Положения о стипендии имени В.И. Краснянского», избранная гимназистка обладала возможностью «пользоваться стипендией во все время учения в гимназии до окончания полного курса». Однако «в случае малоуспешности или неодобрительного поведения» она могла быть лишена пособия «тем юридическим лицом, которому в данное время будет принадлежать право избирать стипендиатку» [35, с. 42]. Постепенно утвердилась практика разделять указанную сумму на равные части для выплаты двух пособий. В 1916 г. стипендию им. Краснянского получали ученица VIII класса Нина Корепанова и ученица VII класса Евграфова Татьяна [5, л. 23].

Городское общество по предложению и. д. харьковского губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева в 1904 г. установила две свои стипендии для учащихся, чьи отцы погибли в Русско-японской войне. Претенденткам выплачивалось 120 руб. каждой «при пособии от казны в той же сумме с тем, чтобы упомянутыми стипендиями дети умерших воинов пользовались в означенных заведениях при продолжении каждым всего курса» [11, л. 15]. Более того, по инициативе императора от уплаты за обучения на период 1904-1905 у. г. освобождались дети участников этой войны сверх 10% нормы из числа «совершенно недостаточных» [58, с. 13-14; 63, с. 402].

Примечательно, что даже в годы Великой войны руководство гимназии, обеспокоенное отсутствием достаточных средств на поддержание нормального функционирования учебного процесса, обеспечивало исправную выплату стипендий. В 1916 г. их получали 12 девочек [5, л. 17-25].

За время своего существования гимназия аттестовала более 1500 воспитанниц. Вплоть до появления Сумской II-й женской гимназии происходил постоянный рост численности учащихся СЖГ. В 1903-1914 гг. отмечается значительное колебание общего количества учениц то в сторону уменьшения, то в сторону увеличения. С началом Первой мировой войны, когда в Сумы потянулся поток беженцев, численность гимназисток вновь превысила норму. В целом, динамику состава учащихся можно проследить по данным попечительного совета, предоставляемым уездной управе: в 1891-1892 у. г. в гимназии училось 267 девочек, в 1896-1897 у. г. – 342, в 1902-1903 у. г. – 419, в 1903-1904 у. г. – 404, в 1910-1911 у. г. – 374, в 1917 г. – 421 ученица [12, л. 34; 20, с. 315; 22, с. 188; 34, 253-254; 60, с. 11].

Разница в числе учащихся по учебным годам определялась министерскими ограничениями комплектовать классы не более как 40 ученицами (с 1907 г.), количеством принятых в школу девочек, числом оставленных на второй год, «уволенных» или вновь принятых. Например, в начале 1910-1911 у. г. в гимназии состояло 374 ученицы, из которых в течение года выбыло 16 и вновь было принято 21 воспитанницу. Из 379 девочек к концу учебного года в следующие классы было переведено 311 девочек, выпускницами VIII класса стали 29 учениц и было оставлено «на повторительный курс» всего по СЖГ 39 девочек. Последний факт повлиял на увеличение штата учениц на новый 1911-1912 у. г., в который гимназия вступила уже с 384 воспитанницами [12, л. 34; 34, с. 253-254; 63, с. 189]. Таким образом, уже даже в период существования Сумской II-й женской гимназии СЖГ оказалась укомплектованной на 24 ученицы сверх нормы. Поэтому отдельные классы, вопреки правилам, оказывались сильно переполненными. Например, в III классе СЖГ в 1906-1907 у. г. состояло 54 ученицы [65].

Особенно большой наплыв учащихся наблюдался в годы Великой войны – следствие принятие в гимназию девочек из семей беженцев, прибывших в Сумы из западных губерний Российской империи. 25 августа 1915 г. училищная комиссия по устройству детей беженцев в ответ на отказ женских гимназий далее принимать учениц из западных регионов постановила организовать групповые занятия для непринятых в учебные заведения девочек, пригласив для этой цели приезжих учителей. А в следующем году «ввиду дальнейшего наплыва учащихся в сумские женские гимназии, благодаря чему огромное

количество желавших поступить в гимназии оставалось вне стен учебного заведения» была открыта частная Сумская женская гимназия Н.Г. Кудрявцевой. Однако, даже эта мера мало сказалась на стремлении претенденток начать или продолжить обучение именно в СЖГ – в течение 1917 г. в гимназию было подано 630 заявлений о приеме, о допуске к сдаче экзаменов или об аттестации за курс того или иного класса [5, л. 82; 7, л. 2-54; 10; 12, л. 34; 34, с. 253-254]. Вместе с тем в период 1914-1919 гг. наблюдалась высокая текучка учащихся. Например, в 1915-1916 у.г. только из VII класса выбыли 13 девочек. При этом класс пополнился новыми ученицами, в результате чего к концу учебного года в нем насчитывалось 43 гимназистки [6, л. 2-4]. Очевидно, на этот факт повлияли не только «традиционные» причины, – неудовлетворительное поведение и неуплата взноса за обучение, – но и смена места жительства семьями учащихся.

Даже после 1914 г. основной контингент учащихся составляли девочки, учившиеся в СЖГ с первого класса. Поступить в него имели право претендентки в возрасте от 9 до 12 лет. Однако, в виде исключения педагогическому совету разрешалось «допускать в этом отношении отступления по уважительным причинам» [62, с. 53]. Сложность вступительных испытаний отразилась на повышении роли догимназического курса, к освоению которого на младшем отделении допускались даже семилетние дети. Например, из 52 учениц VI класса 1918-1919 у.г. 30 поступили в свое время в гимназию именно после учебы на подготовительном отделении. Рекордное количество заявлений о принятии в подготовительный класс было подано в 1917 г. – 133, из них на младшее отделение – 35 [7; 10].

Несмотря на то, что по «Положению» женские средние учебные заведения определялись, как учреждения «предназначенные для приходящих учениц всех сословий и вероисповеданий», на деле осуществлялась поддержка сословной и конфессиональной элитарности гимназий. Наиболее карикатурным в этом отношении являлся циркуляр «О сокращении гимназического образования» («о кухаркиных детях») 1887 г., закрывший дверь в среднюю школу перед детьми из низших слоев населения [3, с. 90; 58, с. 34]. И хотя в последующие годы, во многом не без участия земства и общественности, осуществлялись значительные усилия, направленные на помощь «недостаточным» ученицам, контингент гимназии в целом продолжали пополнять преимущественно представители высшего и среднего классов. П.В. Ляхов отмечал, что его ученицы в основном были детьми «зажиточных или богатых родителей», а также «родителей разных интеллигентных профессий, как-то: врачей, адвокатов, учителей, а также лиц духовного звания», служащих сахарных заводов. «Что касается детей рабочих и крестьян, – подтверждал мемуарист, – они были, как исключение, в единичных случаях» [2, л. 15-16]. Даже в последние годы существования гимназии, пришедшиеся на революционное лихолетье, численность представителей старых привилегированных сословий оставалась весьма существенной. Например, из 52 шестиклассниц 1918-1919 у.г. 7 девочек были дворянками по происхождению, две воспитанницы – дочерьми обер-офицеров, еще две – почетных граждан, столько же – чиновников, по одной – купца и священника. И это без учета реального социального положения остальных детей, которые хотя и принадлежали к «третьему сословию», но в классовом отношении могли вполне относиться и к предпринимательской среде [7].

Родителей из демократических слоев населения отпугивала не только стоимость образования. «Помимо платы за правоучение, – правильно указывал П. В. Ляхов, – нужна была форма, учебники, приличная верхняя одежда, обувь, галоши; иногородним учащимся надо было подыскать квартиру со столом, что обходилось дорого» [2, л. 16]. По приблизительным подсчетам, средняя стоимость довольно скромного содержания одной ученицы в Сумах до 1914 г. составляла минимум 350 руб., что было недостижимой суммой, к примеру, для квалифицированных рабочих, чей доход составлял 17–20 руб. месячного заработка.

Учебный год длился с середины августа по первую половину июня и разделялся на четверти. Уроки, согласно министерских правил 1874 г., длились календарный час [63, с. 230-231]. Впрочем, допускались некоторые временные отступления, связанные с красными днями календаря, выходными днями, согласованностью начала учебного года всех средних учебных заведений города. Например, в 1915 г. занятия после летних каникул

возобновились 19 августа [8, л. 1]. Свободное от учебы вакационное время в середине учебного года дополнялось многочисленными христианскими, государственными и местными храмовыми праздниками. Например, в 1907-1908 у. г. для сумских учениц праздничными оказались 22 дня. Оные, правда, проводились не вольно, а в соответствии с предписаниями начальства: девочки в праздничной форме являлись в храм или выстраивались на Покровской площади для торжественного молебна, за чем строго следили классные надзирательницы.

Учебный процесс в гимназии осуществлялся в соответствии с «Положением». При поступлении в первый класс девочки сдавали вступительные экзамены по Закону Божьему (главные молитвы и рассказ о двенадцатых праздниках), математике (упражнения на четыре арифметических действия), русскому языку («умение правильно и ясно читать по-русски»). Выпускницы высших начальных училищ могли поступить сразу в пятый класс гимназии, предварительно выдержав экзамены по иностранным языкам, а епархиальных училищ – в седьмой, пройдя испытание по обязательным предметам гимназии из курса шести классов (помимо Закона Божьего). Переводные и выпускные экзамены производились письменно и устно по математике и языкам, устно – по остальным предметам [12, л. 54; 63, с. 230, 255, 268].

Время от времени правительство допускало некоторые преференции поступающим в гимназии. Например, в 1905 г. Николай II распорядился принимать детей фронтовиков вне конкурса [63, с. 258]. В 1908 г. попечительный совет гимназии добился преимуществ для детей Сумского уезда при поступлении в СЖГ на условиях «вне конкурса с иногородними по выдержании лишь ими вступительного испытания» [32, с. 152-153]. Тем не менее, это правило вовсе не закрывало двери перед кандидатками из других регионов, особенно в период Великой войны. В 1917 г. перевелись или поступили в VIII класс гимназии девушки, имевшие аттестаты и свидетельства об окончании Ахтырской, Белопольской, Коротоякской, Лебединской, Миропольской, Роменской, Рьльской, Суджанской, Уральской войсковой гимназий, а также частных гимназий Григорцевича в Харькове и Ковригиной в Одессе [10, л. 46-78].

Вместе с подачей заявления и сдачей экзаменов кандидатки предоставляли свидетельства о состоянии здоровья. Например, в 1911 г. подобный документ был выдан 10-летней Вере Смирновой, дочери секретаря Сумского кадетского корпуса от врача этого же учреждения А.Л. Вейднера с удостоверением в том, что «у нее имеются на левом верхнем плече явственные знаки от привития предохранительной оспы, и в том, что здоровье ее, а равно и телосложение, не представляют препятствий к поступлению ее в... учебное заведение» [55]. Принятым в учреждение девицам выдавали ученические билеты – карточки с указанием в каком классе учится предьявительница, датой выдачи, подписями начальницы и классной надзирательницы.

Учебный курс женской гимназии делился на неравные части обязательных и необязательных предметов. К обязательным дисциплинам курса полной гимназии относились Закон Божий, русский язык (грамматика с важнейшими произведениями словесности), арифметика с приложением к счетоводству и основами геометрии, география, история, естественная история и физика «с присовокуплением сведений, относящихся к домашнему хозяйству и гигиене», чистописание и рукоделие. Позже к этой группе предметов была добавлена и космография (преподавалась в VII классе). Группу необязательных предметов составляли французский и немецкий языки, рисование, музыка, пение, «танцевание», гимнастика и педагогика. При этом пению, музыке и гимнастике девочки обучались в свободное от основного ученья время [62, с. 31-33, 60; 63, с. 179]. Примечательно, что революционные события 1917 г. не отразились тут же на изменении программы. В частности, в 1917-1918 у. г. и в 1918-1919 у. г. продолжал преподаваться Закон Божий, а также все необязательные предметы. Лишь в 1918-1919 у. г. в курс СЖГ был дополнительно введен украинский язык [6, л. 10; 7, л. 3-4].

Несмотря на отсутствие в программе древних языков, учебная нагрузка была весьма существенной и требовала в овладении знаниями немалых волевых и мнемических усилий. Курс математики изучался по ее отделам – арифметика, алгебра, геометрия и «общая математика». В письменных работах по русскому языку оценивалась не только грамматика, но и стилистика. При этом темы творческих работ нередко касались вопросов

нравственности. Например, в III классе СЖГ при написании изложений использовался рассказ «Старый дед и внук», в котором речь шла о непочтительном отношении к старику со стороны сына и невестки, кормивших его из «лоханки». Финалом истории послужил урок, данный родителям внуком. Он смастерил новую «лоханку» и объявил родителям, что когда они состарятся, то он, в свою очередь, из нее и будет их кормить. Испутовавшись, «молодые» раскаялись и впредь проявляли исключительно уважение к престарелому родителю [41].

Некоторые учебные программы дореволюционной школы поражают современного педагога отсутствием диалектического единства. Например, изучение отечественной средневековой истории в V классе гимназии предусматривало овладение комплексом тем, градируемых по жизнеописаниям князей. По структуре мало отличался от него и курс средних веков всемирной истории. В первый месяц учебы в 1915-1916 у. г. темы уроков по этому предмету распределялись следующим образом: «понятие о средней истории»; «состояние Римской империи в IV веке»; «германцы, быт и нравы»; «нашествие гуннов, варварские государства до Аттилы»; «последние дни падения Западной Римской империи»; «Христианская церковь в эпоху крушения империи и образование варварских государств»; «лангобарды в Италии, папа Григорий I Великий» [8, л. 3-11]. Таким образом, программа расставляла акценты на биографиях выдающихся личностей, а также на ключевых вопросах церковной и политической истории. Историк Б. Сперанский по этому поводу саркастически заметил, что отечественная история превратилась в «галерею героев и историю их деяний» [70, с. 125]. А корреспондент еженедельника «Право» В. Шимкевич справедливо указал, что современная школа не в состоянии развить у ученика сложную концепцию мировых событий и совершенно не знакомит учеников с революционными движениями. «И выход из этого положения на деле бывает двоякий: или подобные вопросы совершенно выпадают из курса общеобразовательной школы, или трактуется лишь внешняя сторона вопроса», – резюмировал публицист [85, стлб. 2057].

Естественная история предполагала знакомство с отдельно взятыми химическими веществами, полезными ископаемыми и биологическими организмами в рамках одного курса. Так, в V классе СЖГ в 1908-1909 у. г. На уроках данной дисциплины предусматривалось одновременное рассмотрение таких тем как «Мышцы. Хлорофилл», «Органы дыхания. Сахар» и т. п. Построенное таким образом обучение позволяло овладеть лишь поверхностными знаниями по анатомии, ботанике и химии. Однако «живые» иностранные языки действительно преподавались на высоком уровне. Огромным плюсом гимназии являлось привлечение в качестве преподавателей немецкого или французского языков непосредственных их носителей.

По причине скудости источников довольно сложно проанализировать праксиологические и методические показатели учебного процесса в гимназии. Исключением в данном случае являются воспоминания П.В. Ляхова, описавшего как собственный опыт работы, так и труд своего предшественника на должности преподавателя истории Ф.Ф. Горайна. Последний на уроках для осовения и репродукции знаний учениц широко использовал исторические картины, а также, надо полагать, метод эвристической беседы. Сам автор мемуаров, обращавшийся к приемам реферирования Н.П. Покотило (фактически – метод проектов исследовательского типа), предоставлял известную свободу гимназисткам на уроках, привлекая их к написанию сообщений и исследований, которые на занятиях могли защищаться с оппонентами, в т. ч. и внешними (ученики Сумского реального училища (СРУ)). Такие занятия нередко превращались в научные коллоквиумы, а с привлечением преподавателей музыки и танцев – в костюмированные исторические вечера. Такое обучение приводило к положительному результату, судя по положительному отзыву об успехах сумских гимназисток попечителя Харьковского учебного округа П.Е. Соколовского, приводимому в доказательство эффективности своей системы П.В. Ляховым. В целом, его педагогическая деятельность строилась на следующих дидактических принципах: наглядность, интерактивность, организация самостоятельной работы учениц, либеральный стиль общения и создание оптимистической эмоциональной атмосферы на уроке [2, л. 23, 30-31, 56-59; 39, с. 17а; 46, с. 78-79; 47, с. 67-68].

В воспоминаниях П.В. Ляхова содержится краткая характеристика и некоторых других педагогов СЖГ. Например, высокий уровень школьной самодеятельности он связывал с инициативностью учителей музыки Еленой Николаевной Дубянской («очень хорошая,

серьезная, вдумчивая») и Василия Моисеевича Посельского (музыкант по классу скрипки и виолончели, учитель пения). О последнем также делился воспоминаниями и бывший его ученик по Сумскому кадетскому корпусу А. Линицкий («Посельский – учитель пения, за свой громадный рост прозванный «каланча»), охарактеризовавший его как старательного и терпеливого педагога, имевшего талант отбирать певчих. Именно в заслугу Посельскому П.В. Ляхов ставил «организацию такого хора [в гимназии], что его, бывало, слушаешь с наслаждением». А благодаря дуэту Дубянской и Посельской «музыкально-хоровые номера на вечерах в гимназии проходили на высшем художественном уровне» [2, л. 59; 72, с. 38].

Результат работы педагогов был отчетливо виден при подведении итога учебного года, производящемся на всеобщем собрании – «публичном акте», где зачитывался отчет о состоянии и деятельности учебного заведения, объявлялись имена учащихся, заслуживших перевод в высшие классы, выдавались аттестаты и свидетельства окончившим курс. Девочки, успешно окончившие по учебным показателям и поведению предшествующий академический год, награждались похвальными листами и книгами. К наградным книгам прилагалось соответствующее удостоверение за подписями председателя педагогического совета, начальницы, законоучителя, преподавателей и секретаря совета. Таковое, например, было выдано на публичном акте 18 ноября 1907 г. ученице III класса Марии Левитской [66].

На «публичном акте» также объявлялись имена учениц, не справившихся с учебной нагрузкой. По результатам 1911-1912 у. г. 10,5% девочек, не выдержав переводных испытаний, были оставлены на второй год. Только во II классе таких оказалось семь учениц. Известны казусы оставления гимназисток и на третий год обучения, как, например, в случае с ученицей III класса Клавдией Масловой [7, л. 31-32; 12, л. 34]. Впрочем, такие прецеденты больше обуславливались состоянием здоровья, а не «нерадивостью» гимназистки, поскольку министерское предписание четко указывало, что «ученицы, пробывшие два года в одном классе и не удостоенные перевода, увольняются из заведения и вновь допускаются к приемным испытаниям наравне с лицами домашнего образования» [67].

Перед выпускницами по прохождению основного курса гимназии открывалась возможность продолжить обучение в VIII специальном классе, по окончании которого абитуриенткам предоставлялось звание домашних наставниц (из числа медалисток) и учительниц. Это было особо актуальным для малоимущих девиц («образование составляло единственный капитал, который мог их спасти от нищеты, и капитал этот в большинстве случаев обращался в педагогическую деятельность»). В VIII классе девушки изучали в обязательном порядке «главные положения о воспитании, а равно приемы и методы преподавания предметов учебного курса женских гимназий», математику, русский и церковнославянский языки со словесностью. Профильные французский и немецкий языки, история и география преподавались соискательницам педагогической профессии в объеме мужских гимназий (в 1896 г. выбор специализации был ограничен наличием положительных отметок по выбранному предмету в аттестате по окончании VII класса). В 1910-х годах в VIII классе гимназии существовало пять отделений: физико-математическое; географии; истории; русского языка и литературы; французского языка. Специализации открывались постепенно. Например, французское отделение было открыто в 1908-1909 у. г., хотя еще задолго до этого отдельные ученицы старших классов привлекались к языковой практике во Франции. В каждой группе училось 6-10 гимназисток, которые отдельно от остальных учениц изучали избранную дисциплину и методику ее преподавания. Кроме того, будущим учительницам необходимо было пройти педагогическую практику: восьмиклассницы посещали уроки, составляли конспекты, проводили пробные занятия по арифметике, русскому языку и по профильному предмету в присутствии начальницы гимназии, преподавателя и одноклассниц [2, л. 50-52; 32, с. 104; 49, с. 215; 62, с. 105-108; 63, с. 212]. Как правило, педпрактика проводилась в подготовительном или младших классах гимназии. При этом пробные уроки по обязательным предметам давались восьмиклассницами в приготовительных классах, а по профильным – в младших классах гимназии.

Недостатком такой подготовки служила некоторая оторванность практикантов от настоящей начальной школы, педагогический дебют стажеров в сравнительно идеальных условиях, не позволявших «прочувствовать» всю глубину и реальность педагогической

работы. С целью улучшения адаптации молодых учительниц, а также во избежание текучести кадров в начальных школах, по почину губернского земства и по инициативе уездной земской управы в 1905-1906 гг. при СЖГ была создана «образцовая школа», в которую отбирались ученицы Сумского I-го женского училища и где предполагалось проходить практику гимназисткам VIII класса. Педагогом-наставником, как наиболее опытного педагога начальной школы, в новое учебное заведение пригласили учительницу Ворожбянского земского училища М.И. Базавлук. На нужды школы губернское земство отпускало в пользу гимназии 1000 руб., однако вплоть до 1907 г. выделенные суммы так и не были освоены. Наконец, в смете на 1908 г. указанная сумма, выделяемые губернским земством, уже оказывалась расписанной на содержание младшего отделения приготовительного класса, очевидно, начавшее выполнять функции «образцовой школой» [28, с. 447-454; 29, с. 16-18, 60-69; 30, с. 204]. Примечательно, что таковую структуру гимназии не упоминает и П.В. Ляхов.

Несмотря на состоявшееся недоразумение с подшефной школой, достигнутые успехи СЖГ на поприще подготовки учительских кадров для начальной школы позволили уездной земской управе в 1912 г. поднять вопрос и об образовании на основе гимназии педагогического института [37, с. 20]. Очевидно, далеко идущим планам помешала начавшаяся через два года «германская» война.

Немаловажная составляющая деятельности дореволюционной школы – ее дисциплинарные требования. Учебные заведения того времени неуклонно соблюдали правила для учащихся, разработанных на основании уставов для средних учебных заведений 1864 и 1871 гг., распоряжений МНП и имперских законов. Собственно, именно они и позволяли государству осуществлять миссию всеохватывающего контроля за жизнью учащихся. «Не доверяя русскому педагогу и не считая его достаточно способным, гр. Толстой подчинил русскую среднюю школу такому режиму, в ее жизнь внес такую регламентацию, каких еще никогда не было. По мысли гр. Толстого, не школа призвана служить обществу, а дети и общество созданы для школы», – комментировал лейт-мотив внедрения жестких дисциплинарных требований в 1870-е годы российский историк образования С.С. Григорьев [13, с. 78]. Удивительно, но ненормальность положения признавалось и самими руководителями МНП. Например, в циркуляре министра Н.П. Боголепова (1899 г.) отмечалась «отчужденность от семьи и бюрократический характер средней школы, вносящей сухой формализм и мертвенность в живое педагогическое дело и ставящей в ложные взаимоотношения преподавателей и учеников» [38, с. 40].

Названные правила печатались в ученических билетах с размещением требований религиозного характера на первом месте. Например, ученицам женских гимназий вменялось ежегодно в Страстную седмицу бывать у исповеди и св. Причастия. Те из них, кто исполняли эту обязанность не под контролем учебного начальства, обязывались предоставлять в гимназию свидетельства о говении от своих духовников. К определенному часу ученицы обязывались присутствовать на утренней молитве [68, с. 1-2]. Правила также регламентировали поведение на занятиях и при встрече с преподавателями или начальствующими лицами. «Подходя в коридоре к учителю с каким-либо вопросом, – вспоминал П.В. Ляхов, – ученица, по существовавшему тогда правилам, должна была сделать глубокий реверанс, прежде чем спросить его о чем-либо. Учитель, в большинстве случаев, едва кивнув ей головой, спрашивал девушку «с высоты своего величия», что ей надобно» [2, л. 33].

Министерские требования запрещали ученицам гимназий приносить в школу «посторонние» книги, «и вообще ничего такого, что может служить к рассеянию внимания или к смущению как для них самих, так и для их подруг». С той же целью предписывалось «для сохранения здоровья и для успешности учения... избегать в учебные дни развлечений и увеселений, особенно же в вечерние часы в ущерб времени, назначенному для сна или приготовления уроков». В 1883 г. учащимся было воспрещено осуществлять складочные сборы или пожертвования, не касающиеся потребностей учебных заведений (в 1901 г. сделано послабление относительно сберегательных касс). В 1884 г. ученицам также было возбранено присутствовать на судебных заседаниях, а в 1905 г. – принимать участие на концертах и вечерах вне стен учебных заведений. В случаях же дозволенного визита на публичные мероприятия гимназия ограждала подопечную от излишнего избытка чувств.

Например, при посещении театра ученице предписывалось вести себя скромно, не аплодировать громко, не выкрикивать и не вставать во время спектакля, даже если остальная публика вела себя подобным образом. Более того, местные правила определяли порядок посещения публичных мест и загородных прогулок. Во время каникул ученица или ее подопечный обязывались предоставить отпускной билет по месту жительства в отделении полиции или при местном учебном заведении. Отныне гимназистка подлежала надзору любого служащего МНП («каждому из этих лиц дается право и вменяется в обязанность при случае наблюдать вне стен учебных заведений за учениками вообще всех средних учебных заведений... в случае нарушения учениками правил относительно поведения вразумлять их или сообщать о них их начальству»). Например, они следили за тем, чтобы подопечные не выступали «на летних дачных сценах». По возвращению из каникул ученицы предъявляли начальнице или классным надзирательницам билеты с подписями родителей, которые уведомляли администрацию о времени отправки ребенка на учебу. Неявка в срок без уважительной причины могла обернуться отчислением из гимназии.

Руководство гимназии могло определять место проживания приезжих учениц. При этом пожелания родителей или учащихся не обязательно учитывалось, что нередко приводило к распределению учеников по квартирам по знакомству. Более того, согласно «квартирным циркулярам», попечительный совет гимназии мог даже потребовать, чтобы ученица-горожанка жила не у родителей, а на «благонадежной» квартире. Переселение в течение учебного года в другое место возбранялось. Вместе с тем гимназия следила, чтобы на новом месте ученик чувствовал себя комфортно. Плата владельцами квартир назначалась в начале года и не могла повышаться. Те хозяева, которые не придерживались правил школы, лишались права сдавать жилье ученикам. Классным надзирательницам вменялось посещать родителей или опекунов гимназиста, давать им советы относительно улучшения быта ученика, оборудования рабочего места и вообще создания всех необходимых условий для учебы [42; 45, с. 67-68; 63, с. 283-302; 68, с. 7-14].

Большое внимание уделялось форменной одежде, которая шилась в четырех комплектах на год (зимняя повседневная, зимняя парадная, летняя и гимнастическая форма). Каждое учебное заведение строго регламентировало правила пошива и носки одежды. Детальное описание одной обнаруживаем в правилах Ахтырской женской гимназии, которые в некоторой степени можем применить и к СЖГ. Например, в младших классах гимназии длина юбки допускалась короткая, но закрывающая колени. «В средних классах юбка должна быть длиннее, а в старших должна не доходить до пола приблизительно вершка на два. При этом она должна быть кругом ровная, без шлейфа, т. е. иметь везде в подоле одинаковое расстояние от пола». Поверх платья одевался передник из черной шерстяной непросвечивающей материи, закрывающей плечи, со стоячим воротником. Зимняя парадная форма выделялась белым хлопчатобумажным передником, который должен был иметь до 5 складочек и кругом широкий рубец в 4 см. Складочки определялось шить четыре – по две по бокам. Сзади передник застегивался на спрятанные крючки и пуговицы. Под тон формы подбирались туфли, чулки и ботинки. Обувь на французском каблуке (высокий со шпилькой) не допускалась. Строго возбранялось носить украшения.

Летняя форма шилась из шерсти (юбка) и хлопчатобумажной ткани (блуза) и имела отложной воротник из той же материи. К форме прилагался пояс шириной в 6 см. Все эти детали шились из сукна «английского фасона сурового цвета». Ученицам VIII класса в дополнение к установленной форме разрешалось носить кремовые кофты, украшенные двойным рядом небольших продольных складок с бантовой складкой и отложным воротником, а также галстук и кожаный пояс.

Девичий костюм для гимнастики состоял из матросской блузы с двумя рядами продольных складок впереди и английским рукавом на обшлаге, свободной юбки (в младших классах СЖГ, судя по сохранившемуся фото) и брюк (в старших классах), которые шились широкие по форме юбки и гладкие в талии. Как таковой спортивной обуви не было. Для физических упражнений она шилась более свободной, открытой, без каблука или на низком каблуке.

Верхняя зимняя одежда девочек – кофта, пальто, шубка – должна была быть скромной, не бросающейся в глаза. Фасон соблюдался простой, гладкий и темных цветов.

Однообразность соблюдалась и в выборе головных уборов. На зиму шилась или покупалась барашковая или котиковая шапка овальной или округлой формы, на которую, надо полагать, прикреплялась пряжка с металлическим гербом гимназии. Демисезонным головным убором девочек служила темно-коричневая фетровая шляпа небольшого размера с короткими полями и средней высоты тульей, обшитой материей под цвет формы (возможно, также с гербом). Летом девочки носили соломенные шляпы кремового цвета.

Правила также определяли прически гимназисток. Ученицы младших классов должны были носить волосы заплетенными в одну или две косы, завязывая их черными или темно-коричневыми лентами. Старшеклассницам разрешалось закладывать волосы на затылке и носить гребешки. Ученицы VIII класса имели привилегию завязывать в косу ленты. Коротко стриженные девочки обязывались носить круглые гребни темного цвета, а обритые после болезни – чепчики небольшого размера из материи темного цвета. Поверх него надевался платок, зимой – вязаный капор простого фасона. Подобная строгость в ученической одежде была продиктована, с одной стороны, стремлением привить аккуратность, а с другой – хотя бы формальным уравниванием учеников во всеобщей школе [42; 43; 68, с. 15-23].

Профоринтационные возможности выпускниц гимназии были невелики – как правило, их ожидало место учителя, вне зависимости от того, начинали девушки работать педагогами сразу по окончании гимназии, или уже после получения высшего образования. С установлением советской власти возможности трудоустройства выпускниц гимназий расширились (одновременно с ухудшением вознаграждения за труд). О том, как складывались профессиональные судьбы бывших сумских гимназисток, можно составить представление благодаря некоторым примерам. Ольга Коровкина по окончании в 1915 г. гимназии поступила на высшие женские курсы в Москве, но в условиях начавшейся гражданской войны завершить учебу не смогла. Работала учителем истории в школе, была отмечена званием отличника народного образования [2, л. 62]. У бывшего преподавателя СЖГ, инспектора Сумской Александровской гимназии (САГ), а в дальнейшем и инспектора народных училищ Сумского уезда М.Е. Архангельского в гимназии учились все его пять дочерей. Четыре девушки получили высшее образование, трое стали педагогами. Зоя Архангельская (1877-1942) окончила с отличием филологический факультет Сорбонны. В 1899-1907 гг. работала классной надзирательницей в СЖГ, затем преподавателем в Гельсингфорском университете, а после революционных событий 1917 г. – учителем в родном городе. Ольга (1881-1957) после Октябрьской революции трудилась учителем в школе; без отрыва от педагогической деятельности заочно окончила Харьковский педагогический институт иностранных языков имени Н.К. Крупской. Галина (1894-1964) по завершению обучения на историко-филологическом отделении Московских высших женских курсов некоторое время преподавала в Сумской женской учительской семинарии, образованной при Детском приюте Н.М. Харитоненко. Мария (1891-1957) окончила Киевские высшие женские курсы (согласно семейному преданию по специальности «минералогия»; по всей видимости, все же образование она получила на физико-математическом отделении); в зрелой жизни «за широкой спиной мужа» оставалась домохозяйкой. Софья (1900-1945) из-за революционных перипетий была лишена возможности поступить в вуз и устроилась работать машинисткой на завод [1].

Еще один пример: из шести дочерей управляющего сумскими имениями сахарозаводчика Терещенко Т.Г. Горяистова трое учились в СЖГ. Анна (1890-1982) окончила ее с золотой медалью в 1910 г., получила два высших образования (Харьковский коммерческий институт и Воронежский государственный педагогический институт). Профессиональный выбор, в конечном итоге, пал на педагогическую деятельность – работала в Курске учителем биологии и химии, а затем инспектором областного отдела народного образования. Александра (ок. 1895-1975) по окончании гимназии уехала в Париж, где получила высшее образование в Сорбонне. На родину не возвращалась. За рубежом стала видным деятелем русских анархистов в эмиграции. Апполинария (1896-1983) окончила восемь классов гимназии, получив звание домашней наставницы; каких-либо доступных сведений об ее профессиональном выборе не имеется [57, с. 171-173].

Престиж СЖГ во многом определялся кадровой политикой заведения. Согласно 22 ст. «Положения» правом преподавания в женских гимназиях обладали среди мужчин учителя мужских гимназий, прогимназий и уездных училищ, лица, имеющие звание домашних

наставников и учителей, а среди женщин – имеющие звание домашних наставниц и учительниц. Изначально роль женщин-педагогов сводилась, прежде всего, к воспитательной деятельности. Начальнице и надзирательницам, имеющих права домашних наставниц или учительниц, разрешалось преподавать лишь в трех младших классах. Постепенно женские учебные заведения добивались преодоления этого правила, испрашивая разрешения на исключения у монарха. Наконец, в 1901 г. женщины-учителя были уравнены в правах с мужчинами-педагогами: отныне выпускницы высших женских курсов не встречали препятствий в праве преподавания предметов в старших классах гимназии по всем предметам, а учителями немецкого или французского языков могли назначаться дамы, имевшие звание наставницы или учительницы названных предметов [62, с. 13, 28; 63, с. 93].

В начале XX в. образовательный ценз женщин-педагогов СЖГ преимущественно соответствовал педагогическому классу или институту благородных девиц. Определенный процент составляли преподаватели с высшим образованием. В ведомости на получение прибавок на 1918 г. из имевших на них право 16 педагогов дипломы вузов имелись у троих лиц – учителя математики и физики Е. Семейкина, учителя русского языка А. Кошлаковой и учителя французского языка Е. Котроховой, окончившей Женевский университет. Правда, последнее обстоятельство не влияло на тарификацию зарплаты специалиста, поскольку начальство учло лишь ее звание домашней наставницы, как выпускницы Московского училища ордена Св. Екатерины [9, л. 4-6; 71, с. 231].

С увеличением числа учениц и расширением программы возросло и количество педагогов СЖГ. В 1876 г. в ее штате числилось 20, в 1885 г. – 28, 1905 г. – 24 и в 1914 г., включая законоучителей лютеранского, католического и иудейского вероисповедания, – 33 учителя. При этом гендерный состав работников гимназии постепенно менялся в пользу женщин: в 1876 г. в гимназии трудилось 10 женщин-педагогов (50% педсостава), в 1885 г. – 16 (57%), в 1905 г. – 15 (62,5%), в 1914 г. – 22 (66,6%). В целом, женская часть коллектива отличалась постоянством в выборе рабочего места; многие учительницы трудились в гимназии десятилетиями. Так, по данным на 1918 г. в штате СЖГ состояли классная надзирательница А.М. Сысоева, работавшая в ней с 1880 г., учитель приготовительного класса Н.Г. Комлишенская (с 1899 г.), русского языка В.А. Эдельман (с 1885 г.), математики М.Г. Кудрявцева (с 1888 г.), истории и географии Е.А. Краузе (с 1892 г.). Главным же «старожилом» СЖГ оставалась учитель немецкого языка Е.Г. Гиорт, работавшая в ней с момента ее основания в 1873 г. [9; 76, с. 205; 80, с. 131; 82, с. 94; 83, с. 121-122].

В первые десятилетия существования гимназии стабильностью отличался и ее мужской преподавательский состав. Но после 1900 г. представили сильного пола надолго в гимназии «не задерживались». К 1916 г. из педагогов-мужчин дольше всех в гимназии преподавал учитель пения В. М. Посельский (с 1896 г.). Штатных педагогов-мужчин было немного. В основном они работали в СЖГ по совместительству, имея основную нагрузку в САГ, Сумском реальном или в духовном училищах. Например, в 1879-1880 у. г. учителями СЖГ являлись преподаватели Александровской гимназии Р.Ф. Горн (немецкий язык), Д.М. Муретов (математика), Д.И. Одолламский (русский язык), П.П. Рыбинский (чистописание и рисование), СРУ – И.В. Кривенко (история и география), А.В. Маевский (математика), А.Н. Пальшау (математика). В 1894-1895 у. г. в СЖГ вели занятия учителя САГ М.Е. Архангельский (русский язык), П.П. Безсонов (история и география), А.К. Вениг (рисование), СРУ – Н.А. Яблонский (физика и естественная история). Т. о., учителя гуманитарных дисциплин привлекались преимущественно из мужской гимназии, а точных и естественных наук – из реального училища [79, с. 217-218; 81, с. 124-125].

Для СЖГ характерным было и обратное явление, когда ее штатные педагоги сами приобщались к совместительству (например, учителя русского языка М.Е. Архангельский, истории П.В. Ляхов, естественной истории Е.В. Кинашевский), а затем оставляли постоянную работу в гимназии и переходили на штатное место в мужские учебные заведения [47, с. 69; 79, с. 217; 80, с. 130-131]. В качестве совместителей в гимназию устраивались и женщины, благодаря чему общее количество педагогов по найму в отдельные годы могло достигать до 50% от всего педсостава. При этом довольно редким явлением было совместительство штатных женщин-педагогов СЖГ в мужских учебных

заведениях, как, например, в случае с Е.А. Котроховой, преподававшей французский язык в 1912-1918 гг. в кадетском корпусе [73; 84, с. 127].

Несмотря на отмеченные особенности комплектации специалистами, привлечение в качестве учителей преподавателей мужских учебных заведений, имевших университетское образование, как и педагогов-натуральных носителей немецкого (Ф.К. Гармсен, В.И. Гершель, Е.Г. Гиорт, Р.Ф. Горн, Ю.Г. Мюге) или французского (Барде, Б.Р. Лефевр, Г.П. Ла-Барт) языков, в целом способствовало академическому подходу в обучении, повышению качества образования и его эффективности. Некоторое представление о качественном подборе учительского персонала можем почерпнуть из воспоминаний П.В. Ляхова. С особой теплотой он отзывался о своем предшественнике, учителе истории Ф.Ф. Гораине, отметив глубокие знания и методическую грамотность педагога, умение привить воспитанницам любовь к предмету (по отзыву ученицы О. Коровкиной, цитируемом мемуаристом, «это был прекрасный учитель и добрейший человек», который «очень любил свой предмет, потому что рассказывал всегда увлекательно, привлекая в обязательном порядке дополнительный материал»). Положительные характеристики даны автором и классным надзирательницам, в частности, А.Д. Праведниковой («замечательный человек и чудесная воспитательница молодежи», умевшая «объединить класс, дать ему нужное направление», стать для своих учениц «старшим товарищем и другом», за что дети отвечали ей любовью и уважением). Впрочем, хорошие отзывы касались далеко не всех. П.В. Ляхов деликатно обошел забвением имена некоторых своих коллег, имидж которых был далек от педагогического идеала: «одна из моих учениц писала мне, что и теперь, по прошествии почти 60 лет, она иногда просыпается, вздрагивая от страшного сна: ей снится, что ее вызывает к доске учитель, насмешек которого, хотя и очень тонких, боялся весь класс» [2, л. 37].

Отдельную группу педагогов составляли учителя гимнастики, пения, танцев и рукоделия. Они получали меньшую, чем их коллеги, зарплату, даже если и имели педагогическое образование, а по достижению почтенного возраста не могли претендовать на назначение пенсии из казны. Надбавка к зарплате учителям рукоделия полагалась меньше, чем у классных наставниц – 60 руб. за пятилетие службы. С остальными преподавателями их сближало право входить в состав педагогического совета (в отличие от учителей пения, музыки и танцев) [9; 62, с. 44; 63, с. 88].

Судя по воспоминаниям П.В. Ляхова, в гимназии в 1910-е годы господствовала вполне комфортная рабочая атмосфера. Среди коллег ценились профессионализм, творчество и изобретательность в обучении. Взаимоотношения между ними строились на уважительной основе, что являлось верным признаком здорового коллектива. Педагоги не только оказывали методическую помощь друг другу, но и совместно с ученицами организовывали внеурочные мероприятия – музыкальные и литературные вечера, а также «чтения с показом туманных картин с помощью «волшебного фонаря» [39, с. 16а]. Например, 28 октября 1912 г. в гимназии состоялось «литературно-музыкальное отделение годового акта» – концерт, состоящий из семи номеров и посвященный столетию Отечественной войны. Завершил действо хор гимназии под руководством учителя пения В.М. Посельского с «Кантатой XII году» А.Д. Кастальского [54].

Общее направление деятельности гимназии осуществлялось ее руководством, состоявшему из попечительного и педагогического советов. Задачей первого являлось «содействовать успешному со стороны общества развитию гимназий», особенно, в отношении финансовой поддержки заведения, а второго – руководить учебно-воспитательным процессом. Попечительный совет избирался «сословиями и обществами, которые содержат на свой счет гимназию», а потому в него входили представители земства и городского общества. Председателями попечительного совета состояли мировой судья 2-го участка, гласный уездного земского собрания В.В. Де-Коннор (до 1879 г.) и В.А. Харитоненко (по 1907 г.). Педагогический совет попеременно возглавляли представители администрации мужской гимназии и реального училища: Н.В. Сибилев (директор САГ; назначался на эту должность дважды с перерывом), И.В. Посадский-Духовской (директор СРУ), И.И. Цветков (директор САГ), П.П. Веретенников (инспектор СРУ), М.П. Дробязко (директор СРУ).

За все годы существования гимназия сменила трех начальниц: с 1873 г. по 1887 г. ее возглавляла М.К. Шмидт (в 1870-1873 гг. также служила начальницей Сумской женской

прогимназии), с 1886 г. по 1908 г. – О.Н. Штрик, с 1909 г. – А.П. Чурилова. Определенная бедность материала не предоставляет возможность полно и, главное, объективно судить об управленческих и профессиональных качествах руководительниц гимназии. Отдельные фрагменты источников ограничиваются лишь общими формулировками. Так, согласно заключению земской управы, первая начальница гимназии Мария Карловна Шмидт оставила службу, «не получив ни одного замечания от начальства» [18, с. 199-200]. По уходу на пенсию Ольги Николаевны Штрик гласные уездного земского собрания отметили «ее выдающуюся деятельность и как начальницы, и как человека, педагога, беззаветно преданного своему делу». Особо подчеркивалась ее отношение к «тяжелым событиям» 1905 года, «расстроивших нормальное течение жизни во многих учебных заведениях», но «благодаря умению и опыту» О.Н. Штрик гимназию революционные веяния всерьез не коснулись [31, с. 36]. Лишенными официоза в критике последней начальницы СЖГ оказываются воспоминания сумских педагогов П.В. Ляхова и В.В. Бырченко. В частности, П.В. Ляхов отметил в Александре Павловне Чуриловой «убийственный для педагогической работы» недостаток – тугой слух, что, тем не менее не влияло на ее упорное желание руководить гимназией и преподавать в ней французский язык. В.В. Бырченко, организатор работавшей по методикам экспериментальной педагогики и Монтессори-педагогики «новой школы» в Сумах, вообще хлестко отозвалась о А.П. Чуриловой как об «олицетворении старой школы, убежденной приверженцы царского режима и православия» [50, с. 433]. Впрочем, подобные замечания могли основываться на личной неприязни мемуаристов.

4. Заключение

Сумская I-я женская гимназия стала одним из первых женских средних учебных заведений, появившемся на территории современной Сумской области. Хотя гимназия, как полное среднее учебное заведение, была образована в 1873 г. (М.К. Шмидт назначена на должность начальницы СЖГ 21 августа 1873 г.), ее историю следует отсчитывать с момента появления учебного заведения-предшественника – Сумского женского училища 2-го разряда, основанного в 1863 г., преобразованного затем в прогимназию и, наконец, в гимназию. Верхняя граница ее существования определяется сроком окончательного преобразования СЖГ в советскую школу № 2 – ноябрь 1919 г. Таким образом, общий период истории женской гимназии охватывает 56 лет – весьма солидный срок для дореволюционной школы. За это время в гимназии сложились свои традиции и правила, поддерживаемые относительно постоянным по составу педколлективом, а также руководством учреждения.

Особенностями положения СЖГ являлись: 1) всемерная поддержка со стороны земства, занявшего позицию участливого отношения к нуждам гимназии (пределы этого содействия соизмерялись с величиной земских капиталов); 2) оказание активной помощи СЖГ меценатами, в особенности, со стороны семьи Харитоненко, которая, правда, уменьшилась в последнее десятилетие существования заведения, что можно объяснить возникшими финансовыми трудностями фирмы «И.Г. Харитоненко с сыном»; 3) постепенное увеличение количества учениц – следствие общей востребованности среднего образования, возрастания общественного положения женщины, а вместе с тем и малочисленности средних женских учебных заведений; 4) с этим связан и факт высокой требовательности к рдению в учебе и дисциплине учениц, что приводило к отчислению многих из них по неуспеваемости и оставлению на второй год. Однако существующая взыскательность к знаниям давала ощутимый дидактический эффект, формировала положительный имидж гимназии, как заведения, гарантирующего основательную учебную подготовку. Об этом можем судить как по стремлению девушек перевестись в СЖГ из других учебных заведений, так и по примерам поступления ее выпускниц в различные отечественные и зарубежные высшие учебные заведения.

Финансовую составляющую гимназии можем определить как стабильно дефицитную – учреждение в лучшие годы своего денежного положения не смогло выйти не только на уровень самообеспеченности, но и достичь низкого коэффициента нехватки средств. Бюджетные «дыры», как правило, восполнялись адресной помощью благотворителей. Еще одной причиной дефицита служило стремление руководства гимназии по возможности избегать повышения платы за «правоучение», как следствие стратегической цели придать

ей более социальный характер. Однако, несмотря на все предпринимаемые меры (замораживание роста оплаты образовательных услуг (такса 50 руб. продержалась более 20 лет), представление стипендий и выплата пособий «недостаточным» ученицам), они так и не дали ощутимого результата – СЖГ вплоть до своей советизации оставалась школой привилегированных групп населения и среднего класса.

Немаловажную роль в поддержке статуса гимназии играла кадровая политика. Ее штат комплектовался профессиональным преподавательским составом, особенно в отношении тех дисциплин, которые становились профильными в выпускном педагогическом классе. При этом в сравнении с мужскими учебными заведениями СЖГ отличалась постоянством женского педсостава, на что не повлияло даже открытие в 1903 г. Сумской II-й женской гимназии. Среди качеств педагогов учениками, коллегами и руководством ценились не только знания и методика преподавания, но и умение подойти творчески к предмету, найти нестандартные дидактические решения. Характерно, что пресса Сум и Харьковской губернии в критике школьной жизни (излюбленная тема журналистики в канун и в период Первой русской революции), как правило, обходила СЖГ стороной (наряду с острой критикой САГ и СРУ), что определенным образом может служить признанием относительно благоприятной атмосферы в школе, косвенно подтверждаемой и воспоминаниями П. В. Ляхова. При этом ни в коей мере нельзя признать в гимназии «демократическое» учреждение. Напротив, развиваясь в общем течении российской школьной жизни, она все же сохраняла умеренный консервативный дух, допуская лишь незначительные отступления от правил (например, возможность заводить «товарищеские отношения» между учителем и ученицами, как в случае с П.В. Ляховым или А.Д. Праведниковой).

В целом, СЖГ предстает взору современного исследователя вполне солидным учебным заведением, обеспечивавшем основательную подготовку своим ученицам. Гимназия являлась своеобразным островом академической и нравственной чистоты, строгого воспитания и аккуратного исполнения своих обязанностей, что закладывало определенные черты характера воспитанниц и формировало принципы профессионального кодекса при выборе выпускницами педагогической специальности.

Перспектива дальнейшего исследования истории СЖГ автором видится в более полном раскрытии содержания учебно-воспитательной деятельности с привлечением новых или покамест недоступных источников личного происхождения, формулярных списков учителей, а также отчетов по Харьковскому учебному округу.

Примечания

1. Анищенко Г. История одной семьи. Архангельские. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.golos-epochi.ru/?ELEMENT_ID=14601.

2. Воспоминания бывшего учителя истории о работе в Сумской I-й женской гимназии в 1912-1916 гг. Ляхова Павла Васильевича: рукопись. 66 л.

3. Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. Москва, 1954. 304 с.

4. Государственный архив Сумской области (ГАСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. 566 л.

5. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. 119 л.

6. ГАСО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 1. 17 л.

7. ГАСО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. 55 л.

8. ГАСО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 3. 15 л.

9. ГАСО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 5. 10 л.

10. ГАСО. Ф. 347. Оп. 1. Д. 6. 82 л.

11. ГАСО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 12. 96 л.

12. ГАСО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 46. 115 л.

13. Григорьев С.С. Средняя школа по нашим законам: Исторический очерк. СПб., 1900. 96 с.

14. Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения: 1858-1905. СПб., 1905. 139 с.

15. Журналы очередного Сумского уездного земского собрания, бывшего 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22-го сентября 1877 года. Сумы, 1878. 302 с.

16. Журналы очередного и чрезвычайного Сумских уездных земских собраний, бывших 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 сентября, 7, 8 и 9 октября 1878 года и 22 апреля 1879 года: С прил. Харьков, 1879. 523 с.
17. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 20, 21, 22, 23 и 24 сентября 1884 года и чрезвычайного 20 октября 1884 года: С прил. Харьков, 1885. IV, 198 с.
18. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 5, 6, 7, 8 и 9 сентября 1887 года: С прил. Харьков, 1888. VI, 233 с.
19. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 15, 16, 17, 18 и 19 сентября 1890 года: С прил. Харьков, 1891. VII, 212 с.
20. Журналы очередного Сумского уездного земского собрания 15, 16, 17, 18 и 19 сентября 1892 года: С прил. Сумы, 1893. VI, 358 с.
21. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 2, 3, 4, 5 и 6 октября 1896 года: С прил. Сумы, 1897. XII, 476 с.
22. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 13, 14, 15, 16 и 17 сентября 1898 года: С прил. Сумы, 1899. VIII, 284 с.
23. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 4, 5, 6, 7 и 8 октября 1899 года: С прил. Сумы, 1900. IX, 314 с.
24. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 21-24 сентября 1900 года: С прил. Сумы, 1901. VIII, 290 с.
25. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 2-6 октября 1901 года: С прил. Сумы, 1902. X, 327 с.
26. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 9, 10, 11 и 12 сентября 1903 года: С прил. Сумы, 1904. VIII, 323 с.
27. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 30 сентября, 1, 2, 3 и 4 октября 1904 года: С прил. Сумы, 1905. VIII, 389 с.
28. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания 27, 28, 29, 30 ноября и 2 декабря 1905 года [и чрезвычайных 4 января, 15, 16, 17 февраля, 12 апреля и 8 июля 1906 года]: С прил. Сумы, 1906. XV, 466 с.
29. Журнал чрезвычайного Сумского уездного земского собрания 20 мая 1907 года: С прил. Сумы, 1907. IV, 74 с.
30. Журналы Сумского очередного уездного земского собрания с 10 по 14 октября 1907 года: С прил. Сумы, 1908. XV, 379 с.
31. Журналы Сумского уездного земского собрания очередной сессии 25-29 сентября 1908 года: С прил. Сумы, 1909. XVI, 342 с.
32. Журналы Сумского уездного земского собрания очередной сессии 30 сентября – 4 октября 1909 г.: С прил. Сумы, 1910. 402 с.
33. Журналы Сумского уездного земского собрания чрезвычайной сессии 30 апреля 1910 г.: С прил. Сумы, 1910. VI, 83 с.
34. Журналы Сумского уездного земского собрания очередной сессии 28-30 сентября 2-4-го октября 1911 года: С прил. Сумы, 1912. 616 с.
35. Журналы Сумского уездного земского собрания чрезвычайной сессии 29 ноября 1911 года: С прил. Сумы, 1912. III, 56 с.
36. Журналы Сумского уездного земского собрания чрезвычайной сессии 30 апреля 1912 года: С прил. Сумы, 1912. VI, 127 с.
37. Журналы Сумского уездного земского собрания очередной сессии 23-28 октября 1912 года: С прил. Сумы, 1913. 89 с.
38. Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы: Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февр. революции 1917 г. Москва, 1956. 247 с.
39. Кудинов Д. «Душа учителя должна всегда оставаться молодой»: из воспоминаний педагога Павла Ляхова о работе в Сумской I-й женской гимназии // Ваш шанс. 2016. № 13. С. 16а-17а.
40. Кудинов Д. «Корни его горьки, да плоды сладки»: как учились в Сумах столетие назад // Ваш шанс. 2009. № 5. С. 18 а.
41. Кудинов Д. «Корни его горьки, да плоды сладки»: как учились в Сумах столетие назад // Ваш шанс. 2009. № 6. С. 18 а.

42. Кудинов Д. «Корни его горьки, да плоды сладки»: как учились в Сумах столетие назад // Ваш шанс. 2009. № 7. С. 18 а.
43. Кудинов Д. «Корни его горьки, да плоды сладки»: как учились в Сумах столетие назад // Ваш шанс. 2009. № 8. С. 18 а.
44. Кудинов Д. Четвертая власть: сто лет назад. «Сумской листок»: жизнь города на страницах старой газеты // Ваш шанс. 2012. № 31. С. 20а.
45. Кудінов Д.В. Дисциплінарні вимоги до учнів середньої школи в пореформений період // Інноваційні освітньо-виховні стратегії в сучасному світі: змістовний та технологічний аспект. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю (17-18 листопада 2010 року, м. Суми). Суми, 2010. С. 67-69.
46. Кудінов Д. Историчні дисципліни у навчальному процесі середніх шкіл Російської імперії пореформеного періоду // Науковий вісник Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича: зб. наук. праць. Сер. Педагогіка та психологія. 2012. Вип. 617. С. 72-83.
47. Кудінов Д. В. Творчий автопортрет педагога за спогадами вчителя Сумської 1-ї жіночої гімназії П. Ляхова // Особистість, суспільство, держава: проблеми минулого і сьогодення: матер. II Міжнар. наук.-практ. конф.: у 2 част. (Суми, 18 квітня 2016 р.). Суми, 2016. Ч. 1. С. 63-70.
48. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1901. Т. 4: 1856-1880. XI, 647 с.
49. Манько М.О. Суми та сумчани у документах сучасників. Суми Харьков, 2005. Кн. 1. 388 с.
50. Манько М.О. Суми та сумчани у документах сучасників. Суми, 2010. 516 с.
51. Местная хроника // Сумской листок. 1908. № 1. С. 3.
52. Памятная книжка Харьковской губернии на 1868 год. Харьков, 1868. 412, 128, 90 с.
53. Приватный архив Токарева В.Ф. (ПАТ). Медицинское свидетельство Веры Смирновой, 1911. 1 л.
54. ПАТ. Программа литературно-музыкального отделения годового акта Сумской первой женской гимназии 28 октября 1912 г. 1 л.
55. ПАТ. Свидетельство Веры Смирновой, 1911. 1 л.
56. Первое десятилетие существования Сумской 2-й женской гимназии. 24-ое октября 1903 г. – 24-го октября 1913 г. Сумы, 1913. 32 с.
57. Петрушкевич А.В. Человеческие судьбы в истории повседневности: по материалам рода Петрушкевичей, 1613-1963 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2003. 221 с.
58. Положение о мужских и женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения с циркулярными разъяснениями Министерства народного просвещения. Ростов, 1906. 47 с.
59. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802-1902. СПб., 1902. 785 с.
60. Сапухіна Л. Навчальні заклади дореволюційних Сум. Суми, 2000. 30 с.
61. Смета расходов и доходов Сумского уездного земства с приложением раскладок уездного и губернского земского сбора на 1913 год. Сумы, 1913. 114 с.
62. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения с последовавшими с 1870 года изменениями и дополнениями, содержащий также (в четырех частях книги): положение по отдельным женским гимназиям и прогимназиям, общие и частные программы их и правительственные распоряжения как относящиеся к этим заведениям, к служащим и учащимся в них, так и касающиеся лиц, занимающихся частной и женской педагогической деятельностью. СПб., 1884. X, 238, 88 с.
63. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870-1912 годы: (В 3 ч.). Москва, 1912. 752 с.
64. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3: Царствование императора Александра II, 1855-1864. 1434, 140, 42 стлб.
65. Сумский областной краеведческий музей (СОКМ). КП-17077. ПИ-954: Ведомость об успехах учениц III класса Сумской женской гимназии в 1906-1907 у. г. 1 л.
66. СОКМ. КП-2205. Д-3240: Удостоверение наградной книжки, данное М. Левитской. 1 л.

67. СОКМ. КП-22057. Д-3276: Свидетельство об успехах и поведении ученицы VI класса Сумской I-й женской гимназии Левитской Марии за 1909-1910 у. г. 1 л.
68. СОКМ. КП-33104. Д-6057: Билет ученицы Ахтырской женской гимназии Л. Мокренко, 1912. 23 с.
69. Спасский В. Число грамотных в Сумском уезде в 1866 г. // Памятная книжка Харьковской губернии на 1868 год. Харьков, 1868. С. 230-253.
70. Сперанский Б. «Русская история» для средней школы // Вестник воспитания. 1913. № 9. С. 120-133.
71. Стародубцева И. В. Формирование педагогической интеллигенции в Харьковской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (на примере учителей средних учебных заведений) // Матеріали шостої Сумської історико-краєзнавчої конференції. Суми, 2005. С. 229-233.
72. Сумский кадетский корпус. 1900-1950 / Сост. С. Кремер. Сан-Франциско, 1955. 103 с., разд. паг.
73. Сумской кадетский корпус. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gia1914.info/index.php?title=Сумской_кадетский_корпус.
74. Тронько Т.В. Жіночі навчальні заклади Сумщини в другій половині XIX століття // Матеріали п'ятої Сумської історико-краєзнавчої конференції (20-21 листопада 2003 р.). Суми, 2003. Ч. II. С. 97-100.
75. Харьковский календарь на 1876 год. Харьков, 1875. 758 с., разд. паг.
76. Харьковский календарь на 1877 год. Харьков, 1876. 767 с., разд. паг.
77. Харьковский календарь на 1878 год. Харьков, 1877. 772 с., разд. паг.
78. Харьковский календарь на 1879 год. Харьков, 1878. 722 с., разд. паг.
79. Харьковский календарь на 1880 год. Харьков, 1879. 834 с., разд. паг.
80. Харьковский календарь на 1886 год. Харьков, 1885. 895 с., разд. паг.
81. Харьковский календарь на 1895 год. Харьков, 1895. 802 с., разд. паг.
82. Харьковский календарь на 1906 год. Харьков, 1905. 756 с., разд. паг.
83. Харьковский календарь на 1915 год. Харьков, 1915. 526 с., разд. паг.
84. Харьковский календарь на 1917 год. Харьков, 1917. 352 с., разд. паг.
85. Шимкевич В. Письма о народном образовании. Средняя школа // Право. 1906. № 23. Стлб. 2051-2058.

References

1. Anishchenko G. Istoriya odnoy sem'i. Arkhangel'skie. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: www.golos-epohi.ru/?ELEMENT_ID=14601.
2. Vospominaniya byvshego uchitelya istorii o rabote v Sumskey I-y zhenskoy gimnazii v 1912-1916 gg. Lyakhova Pavla Vasil'evicha: rukopis'. 66 l.
3. Ganelin Sh.I. Ocherki po istorii sredney shkoly v Rossii vtoroy poloviny XIX veka. Moskva, 1954. 304 s.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Sumskey oblasti (GASO). F. 2. Op. 1. D. 2. 566 l.
5. GASO. F. 2. Op. 1. D. 27. 119 l.
6. GASO. F. 347. Op. 1. D. 1. 17 l.
7. GASO. F. 347. Op. 1. D. 2. 55 l.
8. GASO. F. 347. Op. 1. D. 3. 15 l.
9. GASO. F. 347. Op. 1. D. 5. 10 l.
10. GASO. F. 347. Op. 1. D. 6. 82 l.
11. GASO. F. 354. Op. 1. D. 12. 96 l.
12. GASO. F. 354. Op. 1. D. 46. 115 l.
13. Grigor'ev S.S. Srednyaya shkola po nashim zakonam: Istoricheskiy ocherk. SPb., 1900. 96 s.
14. Zhenskie gimnazii i progimnazii Ministerstva narodnogo prosveshcheniya: 1858-1905. SPb., 1905. 139 s.
15. Zhurnaly ocherednogo Sumskogo uездnogo zemskogo sobraniya, byvshego 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 i 22-go sentyabrya 1877 goda. Sumy, 1878. 302 s.
16. Zhurnaly ocherednogo i chrezvychnogo Sumskikh uездnykh zemskikh sobranij, byvshikh 10, 11, 12, 13, 14, 15 i 16 sentyabrya, 7, 8 i 9 oktyabrya 1878 goda i 22 aprelya 1879 goda: S pril. Khar'kov, 1879. 523 s.

17. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 20, 21, 22, 23 i 24 sentyabrya 1884 goda i chrezvychnogo 20 oktyabrya 1884 goda: S pril. Khar'kov, 1885. IV, 198 s.
18. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 5, 6, 7, 8 i 9 sentyabrya 1887 goda: S pril. Khar'kov, 1888. VI, 233 s.
19. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 15, 16, 17, 18 i 19 sentyabrya 1890 goda: S pril. Khar'kov, 1891. VII, 212 s.
20. Zhurnaly ocherednogo Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 15, 16, 17, 18 i 19 sentyabrya 1892 goda: S pril. Sumy, 1893. VI, 358 s.
21. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 2, 3, 4, 5 i 6 oktyabrya 1896 goda: S pril. Sumy, 1897. XII, 476 s.
22. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 13, 14, 15, 16 i 17 sentyabrya 1898 goda: S pril. Sumy, 1899. VIII, 284 s.
23. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 4, 5, 6, 7 i 8 oktyabrya 1899 goda: S pril. Sumy, 1900. IX, 314 s.
24. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 21-24 sentyabrya 1900 goda: S pril. Sumy, 1901. VIII, 290 s.
25. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 2-6 oktyabrya 1901 goda: S pril. Sumy, 1902. X, 327 s.
26. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 9, 10, 11 i 12 sentyabrya 1903 goda: S pril. Sumy, 1904. VIII, 323 s.
27. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 30 sentyabrya, 1, 2, 3 i 4 oktyabrya 1904 goda: S pril. Sumy, 1905. VIII, 389 s.
28. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya 27, 28, 29, 30 noyabrya i 2 dekabrya 1905 goda [i chrezvychnykh 4 yanvarya, 15, 16, 17 fevralya, 12 aprelya i 8 iyulya 1906 goda]: S pril. Sumy, 1906. XV, 466 s.
29. Zhurnal chrezvychnogo Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 20 maya 1907 goda: S pril. Sumy, 1907. IV, 74 s.
30. Zhurnaly Sumskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniya s 10 po 14 oktyabrya 1907 goda: S pril. Sumy, 1908. XV, 379 s.
31. Zhurnaly Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya ocherednoy sessii 25-29 sentyabrya 1908 goda: S pril. Sumy, 1909. XVI, 342 s.
32. Zhurnaly Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya ocherednoy sessii 30 sentyabrya – 4 oktyabrya 1909 g.: S pril. Sumy, 1910. 402 s.
33. Zhurnaly Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya chrezvychnoy sessii 30 aprelya 1910 g.: S pril. Sumy, 1910. VI, 83 s.
34. Zhurnaly Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya ocherednoy sessii 28-30 sentyabrya 2-4-go oktyabrya 1911 goda: S pril. Sumy, 1912. 616 s.
35. Zhurnaly Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya chrezvychnoy sessii 29 noyabrya 1911 goda: S pril. Sumy, 1912. III, 56 s.
36. Zhurnaly Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya chrezvychnoy sessii 30 aprelya 1912 goda: S pril. Sumy, 1912. VI, 127 s.
37. Zhurnaly Sumskogo uezdnogo zemskogo sobraniya ocherednoy sessii 23-28 oktyabrya 1912 goda: S pril. Sumy, 1913. 89 s.
38. Konstantinov N. A. Ocherki po istorii sredney shkoly: Gimnazii i real'nye uchilishcha s kontsa XIX v. do fevr. revolyutsii 1917 g. Moskva, 1956. 247 s.
39. Kudinov D. «Dusha uchitelya dolzhna vseгда ostavat'sya molodoy»: iz vospominaniy pedagoga Pavla Lyakhova o rabote v Sumskoy I-y zhenskoy gimnazii // Vash shans. 2016. № 13. S. 16a-17a.
40. Kudinov D. «Korni ego gor'ki, da plody sladki»: kak uchilis' v Sumakh stoletie nazad // Vash shans. 2009. № 5. S. 18 a.
41. Kudinov D. «Korni ego gor'ki, da plody sladki»: kak uchilis' v Sumakh stoletie nazad // Vash shans. 2009. № 6. S. 18 a.
42. Kudinov D. «Korni ego gor'ki, da plody sladki»: kak uchilis' v Sumakh stoletie nazad // Vash shans. 2009. № 7. S. 18 a.
43. Kudinov D. «Korni ego gor'ki, da plody sladki»: kak uchilis' v Sumakh stoletie nazad // Vash shans. 2009. № 8. S. 18 a.

44. Kudinov D. Chetvertaya vlast': sto let nazad. «Sumskoy listok»: zhizn' goroda na stranitsakh staroy gazety // Vash shans. 2012. № 31. S. 20a.
45. Kudinov D.V. Dystsyplinarni vymohty do uchniv seređn'oyi shkoly v poreformenyy period // Innovatsiyni osvıtn'o-vykhovni stratehiyi v suchasnomu svıti: zmıstovnyy ta tekhnolohichnyy aspekt. Materialy Vseukrayıns'koyi naukovo-praktychnoyi konferentsiyi z mızhnarodnoy uchastyu (17-18 lystopada 2010 roku, m. Sumy). Sumy, 2010. S. 67-69.
46. Kudinov D. Istorychni dystsypliny u navchal'nomu protsesi seređnikh shkil Rosiys'koyi imperiyi poreformenoho periodu // Naukovyy visnyk Chernivets'koho natsional'noho universytetu imeni Yuriya Fed'kovycha: zb. nauk. prats'. Ser. Pedahohika ta psykholohiya. 2012. Vyp. 617. S. 72-83.
47. Kudinov D. V. Tvorchyy avtoportret pedahoha za spohadamy vchytelya Sums'koyi 1-yi zhinochoyi himnaziyi P. Lyakhova // Osobystist', suspil'stvo, derzhava: problemy mynuloho i s'ohodennya: mater. II Mizhnar. nauk.-prakt. konf.: u 2 chast. (Sumy, 18 kvitnya 2016 r.). Sumy, 2016. Ch. 1. S. 63-70.
48. Likhacheva E. Materialy dlya istorii zhenskago obrazovaniya v Rossii. SPb., 1901. T. 4: 1856-1880. XI, 647 s.
49. Man'ko M.O. Sumy ta sumchany u dokumentakh suchasnykiv. Sumy Khar'kov, 2005. Kn. 1. 388 s.
50. Man'ko M.O. Sumy ta sumchany u dokumentakh suchasnykiv. Sumy, 2010. 516 s.
51. Mestnaya khronika // Sumskoy listok. 1908. № 1. S. 3.
52. Pamyatnaya knizhka Khar'kovskoy gubernii na 1868 god. Khar'kov, 1868. 412, 128, 90 s.
53. Privatnyy arkhiv Tokareva V.F. (PAT). Meditsinskoe svidetel'stvo Very Smirnovoy, 1911. 1 l.
54. PAT. Programma literaturno-muzykal'nogo otdeleniya godovogo akta Sumskoy pervoy zhenskoy gimnazii 28 oktyabrya 1912 g. 1 l.
55. PAT. Svidetel'stvo Very Smirnovoy, 1911. 1 l.
56. Pervoe desyatiletie sushchestvovaniya Sumskoy 2-y zhenskoy gimnazii. 24-oe oktyabrya 1903 g. – 24-go oktyabrya 1913 g. Sumy, 1913. 32 s.
57. Petrushkevich A.V. Chelovecheskie sud'by v istorii povsednevnosti: po materialam roda Petrushkevichey, 1613-1963 gg.: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 2003. 221 s.
58. Polozhenie o muzhskikh i zhenskikh gimnaziyaikh i progimnaziyaikh Ministerstva narodnogo prosveshcheniya s tsirkulyarnymi raz'yasneniyami Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Rostov, 1906. 47 s.
59. Rozhdestvenskiy S.V. Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya: 1802-1902. SPb., 1902. 785 s.
60. Sapukhina L. Navchal'ni zaklady dorevolutsiynykh Sum. Sumy, 2000. 30 s.
61. Smeta raskhodov i dokhodov Sumskogo uezdnoho zemstva s prilozheniem raskladok uezdnoho i gubernskogo zemskogo sbora na 1913 god. Sumy, 1913. 114 s.
62. Sbornik deystvuyushchikh postanovleniy i rasporyazheniy po zhenskim gimnaziyaikh i progimnaziyaikh Ministerstva narodnogo prosveshcheniya s posledovavshimi s 1870 goda izmeneniyami i dopolneniyami, soderzhashchiy takzhe (v chetyrekh chastyakh knigi): polozhenie po otdel'nym zhenskim gimnaziyaikh i progimnaziyaikh, obshchie i chastnye programmy ikh i pravitel'stvennye rasporyazheniya kak otnosyashchiesya k etim zavedeniyam, k sluzhashchim i uchashchimsya v nikh, tak i kasayushchiesya lits, zanimayushchikhsya chastnoy i zhenskoy pedagogicheskoy deyatel'nost'yu. SPB., 1884. X, 238, 88 s.
63. Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy po zhenskim gimnaziyaikh i progimnaziyaikh Ministerstva narodnogo prosveshcheniya za 1870-1912 gody: (V 3 ch.). Moskva, 1912. 752 s.
64. Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. SPb., 1865. T. 3: Tsarstvovanie imperatora Aleksandra II, 1855-1864. 1434, 140, 42 stlb.
65. Sumskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey (SOKM). KP-17077. PI-954: Vedomost' ob uspekhakh uchenits III klassa Sumskoy zhenskoy gimnazii v 1906-1907 u. g. 1 l.
66. SOKM. KP-2205. D-3240: Udostoverenie nagradnoy knii, dannoe M. Levitskoy. 1 l.
67. SOKM. KP-22057. D-3276: Svidetel'stvo ob uspekhakh i povedenii uchenitsy VI klassa Sumskoy I-y zhenskoy gimnazii Levitskoy Marii za 1909-1910 u. g. 1 l.
68. SOKM. KP-33104. D-6057: Bilet uchenitsy Akhtyrskoy zhenskoy gimnazii L. Mokrenko, 1912. 23 s.

69. Spasskiy V. Chislo gramotnykh v Sumskom uezde v 1866 g. // Pamyatnaya knizhka Khar'kovskoy gubernii na 1868 god. Khar'kov, 1868. S. 230-253.
70. Speranskiy B. «Russkaya istoriya» dlya sredney shkoly // Vestnik vospitaniya. 1913. № 9. S. 120-133.
71. Starodubtseva I. V. Formirovanie pedagogicheskoy intelligentsii v Khar'kovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (na primere uchiteley srednikh uchebnykh zavedeniy) // Materiali shostoї Sums'koї istoriko-kraeznavchoї konferentsii. Sumi, 2005. S. 229-233.
72. Sumskiy kadetskiy korpus. 1900-1950 / Sost. S. Kremer. San-Frantsisko, 1955. 103 s., razd. pag.
73. Sumskoy kadetskiy korpus. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://ria1914.info/index.php?title=Sumskoy_kadetskiy_korpus.
74. Tron'ko T.V. Zhinochi navchal'ni zaklady Sumshchyny v druhiy polovyni XIX stolittya // Materialy p'yatoyi Sums'koyi istoriko-kraeznavchoyi konferentsiyi (20-21 lystopada 2003 r.). Sumy, 2003. Ch. II. S. 97-100.
75. Khar'kovskiy kalendar' na 1876 god. Khar'kov, 1875. 758 s., razd. pag.
76. Khar'kovskiy kalendar' na 1877 god. Khar'kov, 1876. 767 s., razd. pag.
77. Khar'kovskiy kalendar' na 1878 god. Khar'kov, 1877. 772 s., razd. pag.
78. Khar'kovskiy kalendar' na 1879 god. Khar'kov, 1878. 722 s., razd. pag.
79. Khar'kovskiy kalendar' na 1880 god. Khar'kov, 1879. 834 s., razd. pag.
80. Khar'kovskiy kalendar' na 1886 god. Khar'kov, 1885. 895 s., razd. pag.
81. Khar'kovskiy kalendar' na 1895 god. Khar'kov, 1895. 802 s., razd. pag.
82. Khar'kovskiy kalendar' na 1906 god. Khar'kov, 1905. 756 s., razd. pag.
83. Khar'kovskiy kalendar' na 1915 god. Khar'kov, 1915. 526 s., razd. pag.
84. Khar'kovskiy kalendar' na 1917 god. Khar'kov, 1917. 352 s., razd. pag.
85. Shimkevich V. Pis'ma o narodnom obrazovanii. Srednyaya shkola // Pravo. 1906. № 23. Stlb. 2051-2058.

УДК 94(477.52):[373.5:316.346.2-055.2«1863–1919»]

Краткий очерк истории Сумской I-й женской гимназии

Дмитрий Валерьевич Кудинов ^a

^a Сумский областной институт последипломного педагогического образования, Украина
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Аннотация. В публикации раскрываются причины образования первого среднего женского учебного заведения в г. Сумы, а также особенности его дальнейшего развития. Отдельными блоками исследования предстают вопросы формирования и развития материально-технической базы гимназии, ее руководящего и педагогического состава, комплектации штата учащихся, организации учебно-воспитательной деятельности, дидактических и дисциплинарных требований к учащимся. С целью иллюстрации профессионального выбора абитуриентов приведены краткие биографические данные некоторых выпускниц гимназии.

Ключевые слова: мемуары, Министерство народного просвещения, гимназия, попечители, начальница гимназии, педагоги, ученицы, стипендия.